ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

29 ФЕВРАЛЯ 1932 г. № 10 (179)

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

I страница
ПЕРЕДОВАЯ
Об индивидуализме и индивидуальности (речь В. Киршона)
Мы боремся несмотря ни на что (письма тт. Бределя, Вайнерта,
Статья Б. Малеша о перестройке работы МОРП
Стихи А. Гидаша.
II страница
Д. Мирский. История одного освобождения
III страница
Смерть В. П. Полонского
Д. Селивановский... Новаторство и любовь Запада
Перевыборы правления ВССП в Ленинграде
IV страница
Буксир уральцев. Об очерке Будинцева.

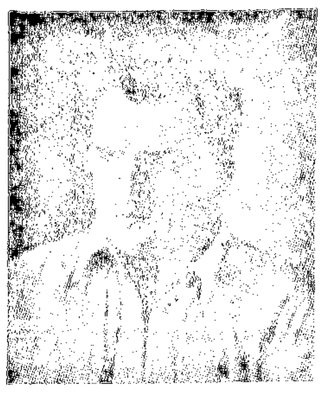
ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Н. Асеева, А. Грудской, С. Динамова, В. Зелинского, О. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Россовского, А. Селивановского, Ж. Сельвинского, М. Слонимского, М. Чужацкого, С. Тарасевича и Г. Тартана.

Мы боремся несмотря ни на что!...

ПИСЬМА С ЗАПАДА

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ
(Германия)

Письмо из тюрьмы



Вилли Бредель, автор «Машиностроительного завода Н. и К.», до тюремного заключения был токарем, бедняком, машиностом на пароходе, рабочим, квартработником — но не писателем. К писательской работе он именно приступил в крепости Вергедорф, в «творческом отпуске», предоставленном ему за два года германским судом за его деятельность партийного редактора.

Три пролетарских романа — таков итог первых двух лет творческой работы Бределя. За «Машиностроительным заводом» последовал «Розенгофштрассе» — роман о пролетарской улице Гамбурга, о борьбе уличной ячейки КПГ с фашистами за влияние на промежуточные мелкобуржуазные слои. Далее Бредель принял участие в конкурсе на лучший антифашистский роман, объявленном издательством Межрабпома, на основе романа «Параграф № 218 — за защиту собственности» (пока имеется лишь в рукописи). Письма Бределя в секретариат МОРП дышат бодростью и боевой энергией.

Бределя переводят в тюрьму Вестермонде-Іех, чтоб изолировать его от гамбургской парторганизации, с которой он в Вергедорфе поддерживал живую связь.

«Мы с товарищем и в этой крепости будем действовать по-большевистски,— пишет Бредель в ответ на эту изоляцию.

Здесь в Іехе двенадцать коммунистов. Работаем много. Мне поручили руководство кружком, лекции и еще другие нагрузки. Редактирую «Северогерманский народный календарь», составляю листовки «Гамбургер фольксцайтунг» и рукописку «Гамбургским обществом народного чтения». Когда освобожусь — с новой силой кинусь за творческую работу. Учусь русскому языку, потому что хочу знакомиться в области марксизма-ленинизма и готовлюсь к новым политическим боям. В начале февраля истекает 24 месячный срок, на который я был приговорен».

ВЛ. БРОНЕВСКИЙ
(Польша)

Ответ на анкету

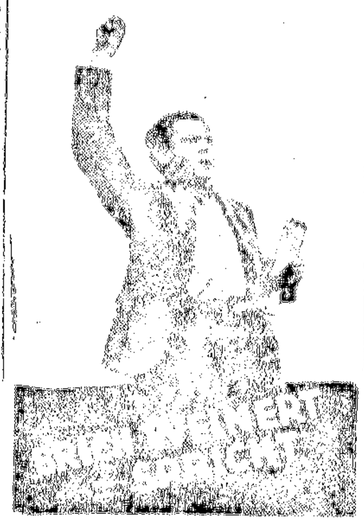
Видный польский революционный поэт Владислав Броневский, брошенный фашистскими властями в тюрьму и недавно освобожденный, в ответ на анкету буржуазного варшавского журнала «Литературные вечера», пишет:

«Над чем работаю и что думаю выпустить? Вторая часть этого вопроса сказывает на надежду. Сборник стихов (пока более растущий) издана безрезультатно ждет издателя. Много стихов, написанных мною за последние месяцы, ходят в рукописях по рукам. Это убеждает меня, что я не пишу в пустоте, что знаю, зачем и для кого пишу.

Но... сурдинка, наложенная на мое творчество и на творчество моих друзей цензурой, прокуратурой и другими инстанциями, не настраивает на стихотворение. Материальные условия — то же самое. Итак?.. Быть может, закончу драму о партии «ПРОЛЕТАРИАТ» (зачатки социализма в Польше; КАК МНОГО АНАЛОГИЙ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ!), быть может, начну писать современный роман, который уже давно не дает мне покоя. А быть может, напишу воспоминания о центральной тюрьме в Варшаве... Вероятнее же всего переведу за гроши еще несколько плохих книг и на допросах перестану в рубрике «профессия» писать, что я поэт».

ЭРИХ ВАЙНЕРТ
(Германия)

Хочу говорить



... Революцию протеста по поводу того, что мне запретили выступать, не сказали на правительство воздействия. Запрет не только не отменен, но еще усилен тем, что прусский министр внутренних дел Зеверинг распорядился, чтобы с моими стихами не выступал не только я, но и другие. Обер-президент Бранденбург следующим образом обосновал эти полицейские меры: «Стихи писателя Вайнерта, исполняемые по политических собраниях, в большинстве своем рассчитаны на то, чтобы оказывать население в том смысле нарушить общественное спокойствие».

Еще удивительно, что вне Пруссии (в вне Гамбурга) мне выступать пока не запрещено. Например, удается последнее время выступать в Саксонии. Я уверен, что скоро Гитлер распространит запрет на всю Германию. Правда, мне доставляет некоторое удовлетворение, что и принадлежу к «государственно-опасным» (три как преследования доказывают прямолинейность моей революционной линии), но мне с каждым днем становится все тяжелее от того, что не могу уже сказать на рабочих собраниях, воодушевить их своими стихами. Правда, в последнее время вся вина, как верный товарищ, выступает вместо меня и читает мои стихи, но последнее распоряжение Зеверинга лишит ее этой возможности.

Помимо всего запрет выступать лишил меня заработка. Моя работа в печати теперь крайне ограничена тем, что мои стихи почтенно печатают, боясь конфискации. Все это создало для меня тяжелое материальное положение. Я уже несколько месяцев не могу заплатить за квартиру и нахожусь под угрозой выселения.

ЭРНСТ ГЛЕЗЕР
(Германия)

Книг никто не покупает

...Теперь экономическое положение в стране таково, что книг никто не покупает, издатели почти ничего не печатают, и газеты снимают гонорарные ставки наполовину. Вдобавок я с тех пор как начал выступать вместе с пролетарскими писателями и с КПГ, потерял возможность работать в буржуазных газетах и выступать по радио. Классовая борьба обострилась настолько, что даже либеральные газеты не хотят меня печатать, хоть бы я даже писал о цветочках...

ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ и ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Речь т. В. Киршона на банкете, устроенном Обществом друзей Новой России в Берлине

Я хочу более подробно остановиться на пролетарских писателях, представляющих собой ведущий отряд советской литературы.

Кто это такие? Первое поколение пролетарских писателей — люди, в большинстве смешавшие винтовку на перо. Они прошли суровую школу гражданской войны, белого подполья, интервенции. Революция бросила их во все концы страны; они восстанавливали разрушенное хозяйство, они работали на заводах, поднимая их, они боролись за каждую десятину запаханной земли. Они работали и боролись в городе и деревне, в центре и на окраинах,—это их университеты, их школы и институты. Не в кабинетах и не по книгам они узнавали жизнь, они не наблюдали за своими будущими героями, они сами были ими.

Однако ежедневно приходят новые и новые кадры. Культурная революция и громадная активность масс, являются не только потребителями, но и создателями культуры, порождают постоянный приток на все участки культуры и искусства новых и новых талантливых творцов из среды рабочего класса и крестьянства. Появляются новые музыканты, певцы, композиторы (ассоциация пролетарских музыкантов), художники (ассоциация пролетарских художников), кинорабочие (ассоциация революционной кинематографии). Небывало развито самодеятельное театральное искусство. Достаточно сказать, что самодеятельными кружками об'единено более трех миллионов человек. И все это живет бурной инициативной творческой жизнью.

Вступают все новые и новые кадры и в пролетарскую литературу. Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей насчитывает сейчас до десяти тысяч человек. Они организованы в кружки на крупных предприятиях, они имеют десятки журналов, они пишут в газетных органах заводов и шахт, они пишут в больших журналах и газетах, наши квалифицированные писатели передают им свой опыт и знания.

Мы имеем уже выдающиеся писательские залы работы-писателей, драматургов, беллетристов, поэтов. Многие из них не порывают своей связи с производством, они работают на заводах и вместе с тем пишут. На этом примере нетрудно увидеть, что у нас на практике начинает осуществляться положение Маркса о том, что при социализме стирается грань между физическим и умственным трудом.

Я не могу в своем кратком слове пересказать все особенности творчества пролетарских писателей. Не могу подробно остановиться на их разнообразной тематике. Я хочу остановиться лишь на двух вопросах, имеющих в моей точке зрения большое принципиальное значение.

Первый вопрос, на котором я хочу остановиться, — это вопрос об индивидуализме и индивидуальности. Судя по ряду критических статей о нашей литературе в европейской прессе и на основании моих личных бесед с некоторыми писателями и критиками, у меня создалось впечатление о том, что разрешение нами этой проблемы зачастую понимается здесь неправильно. Думают, что мы за уничтожение индивидуальности, — это совершенно неверно. Мы против индивидуализма, т.-е. против социального явления, против известной, против теории «homo homini lupus est». Мы за коллективизм и воспитание коллективизма. Мы единственный класс, который стремится создать бесклассовое общество, в котором уничтожится порабощение человека человеком и человечество как единый коллектив будет противостоять силам природы. Но это вовсе не значит, что мы против индивидуальности. Напротив, мы за всемерное и всестороннее развитие индивидуальности, мы за максимальное освобождение творческих сил каждого человека, мы создаем такие условия, при которых становится возможной настоящая подлинная история капиталистического мира, когда люди, стремящиеся быть музыкантами, вынуждены делаться сапожниками, или, как теперь, сапожники, жаждущие работы по специальности, но лишенные ее, становятся музыкантами на улицах больших городов.

Для большей ясности позволите привести вам пример с ударником. Это — наш герой. Тов. Сталин сказал, что в нашей стране труд превращается в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Это наш быт, это наша действительность. На страницах наших газет вы не встретите портретов жен знаменитых людей, с их платьями и собачками, но вы найдете десятки и сотни портретов наших героев-ударников, рабочих и крестьян—передовых бойцов на фронте социалистического строительства. Ударник—это, несомненно, индивидуальность. У него есть такие качества, которые позволяют ему работать, изобретать, управлять душою других. Эти качества он всемерно развивает, эти качества мы выдвигаем и поощряем. Но вместе с тем такой ударник не в силах жить не индивидуалист, напротив, все свои индивидуальные достоинства он использует на служение коллективу. Он работает не для себя, на своих узких личных целей, а для своего завоевателя коллектива, для своего класса, для своего государства. Чем выше индивидуально и интеллектуально развит трудящийся нашей страны, тем он более сознательный и принципиальный коллективист, а в этом нет никакого противоречия, ибо коллективизм — высшая форма человеческих отношений.

Второй вопрос, на котором я считаю нужным остановиться,—это вопрос о разрешении в нашем творчестве вопроса о человеке и технике. Мне неоднократно приходилось слышать и читать подчеркивания за последнее время вульгарно характерные теории: «техника нас задушила», «техника довлеет над нами», «величие писателя-классика работали, когда не было телефонов и автомобилей», «грохот подземных линий и беспроволочные телефонные аппараты не дают мечтать и творить», «долой власть машин, долой технику!», «упрощение жизни и упрощение жизни—вот что спасет литературу». Эти писатели и теоретики выражают настроения интеллигенции, которые пропитаны сложным чувством ужаса и не знают, что с ними делать, и разрешается от избытка. У нас нет такого отношения к технике. Техника служит нам. Техника увеличивает нашу мощь. Техника—это гигантские руки, техника—это удлиненные ноги, техника—это улучшенный слух и усиленные глаза, техника—это побежденное время и пространство. Поэтому техника, завод, машина, техника в новом человеке, его борьбой и жизнью занимают в творчестве пролетарских писателей почетное место. Крайне важно отметить, что пролетарские писатели воспевают технику отлично от писателей других классов. Они находят новые образы, разлагающиеся тут же в обычном рабочем из своей машиной, образы, отличные от образов современного капиталиста-эстета. Пролетарский поэт и писатель описывает технику не абстрактно изолированно от человека, нет, он описывает труд коммунистический, радостный, плодотворный и целеосознанный.

Мы не обольщаемся своими успехами, но мы не можем не сказать здесь с гордостью, что мы создаем искусство нового, искусство именно пролетарского, но отличное от предшествующего нам искусства нового класса, класса, перестраивающего мир.

Анатоль Гидаш

Песнь китайского партизана

Тройка злой по нас гуляет
Днем и ночами:
Янки — раз, японец — два,
Третья — англичанин.

Всю мне голову изрезали
Три поганых гиды-вшит:
Вошь Сун-то, Ю-дзюн — другая,
Третья сволочь — Чан Кай-ши.

Ох, грызут меня три крысы —
Не могу терпеть я —
Ручи — раз, британец — два,
А японец — третья.

Нажали шеи три крысы,
До крови кусаются:
Мандарин, буржуй шанхайский,
Ростовщик-китаец.

Пляшут три китайских тигра,
На забаву мы и дан.
Тот хватает, этот держит,
А все трое — гоминдан!

В ключах рвут меня три тигра
Под китайский танец:
Раз — британец, два — японец,
Три — американец!

Эй-гей-гей!

Не придет
Чжу
де.
С ним —
Мао-
цзе-
дун!
Всем
крысам —
трем и трем —
Будет всем
каречунз
Под избою —
и разотрем!

Не придет сволочь
Дрыгин Иван!
Все
тигры —
три и три —
На штыках вертаться будут,
Кровью истекая!

Эй-гей-гей!

Придет Ленин —
Китай будет свободен!

Перевел с венгерского
АЛЕКСАНДР РОКИ

Дело Малеша

ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ МОРП

За последний год мировая революция выросла значительно. Гигантские успехи социалистического строительства и все более катастрофически углубляющийся кризис всего капиталистического мира вызывают быстрый рост пролетарских писательских кадров, создают предпосылки для массового перехода в наш лагерь писателей демаскирующейся мелкой буржуазии, колеблющихся левых писателей из среды интеллигенции. Буржуазная печать замалчивала харьковскую конференцию, и только в последние ее появился ряд статей в буржуазных газетах, в которых в время наших отмечают рост влияния наших организаций за рубежом. Но мы должны не обольщаться успехами, а стремиться максимально полнее—и идейно, и организационно—охватить массу писателей, идущих в разных странах мировой революции.

На конференции в Харькове наш международный писательский отряд представляли собой восемь мастеров. В заключительной конгрессе мы еще доказывали необходимость об'единения революционных писателей разных национальностей в одну организацию. В чем состоит ли это положение со времени харьковской конференции? Да, изменилось значительно. Движение рамо клуба и шире МОРП шлёно руководит растущим движением революционной литературы. Центральный орган компартии Франции, задав борьбу за французскую пролетарскую литературу, отвергается на тезисы и резолюции МОРП. Секретариат ИП САСШ констатирует, что мы открыли новый период мирового революционного культурного движения. ЦК КПГ в резолюции констатирует, что критика проекта программы союза пролетарских писателей Германии, данная нами, целиком правильна. Наше внимательство в литературно-политическую дискуссию в Японии, согласно заявлению наших японских товарищей, обеспечило победу в пользу пролетарской литературы. Мы сделали много. Но в условиях стремительной обострения классовой борьбы в капиталистических странах, быстрого нарастания революционного движения масс, роста значения и влияния коммунистических партий, процесса дифференциации в рядах мелкобуржуазной интеллигенции и быстро растущего ядра пролетарских писателей мы сделали крайне недостаточно. Дискуссии по теоретическим вопросам в наших организациях показывают что все же часто отсутствовало систематическое, достаточно глубокое идеологическое руководство. Опыт пролетарского литературного движения СССР все еще не стал достоянием международного движения. — в этом наша вина наших руководства МОРП.

После харьковской конференции в ряде стран образовались новые секции МОРП, с рядом стран у нас установились новые связи. Но связь наша с секциями и секций между собой была слабой. Иногда слаба была связь между местными организациями одной и той же секции. Так, например, Джон Рид клуб Филадельфии по вопросам конгрессам обращался в секретариат МОРП, а не в ньюйоркский центр. Писатели выдающиеся в Чехо-Словакии, отдельные германские пролетарские писатели обращались к нам, минуя национальное руководство союза пролетарских писателей Германии и Чехо-Словакии. Все эти факты мешали нормальной работе наших организаций.

Мы сделали далеко не все, чтобы устранить все эти тормозящие условия дальнейшего нашего роста. Мы, ограничиваясь товарищескими указаниями, боясь чрезмерной бюрократизации нашего движения, не выработали до сих пор устава МОРП в целом, не устава отдельных наших организаций. Организационные вопросы не могут быть лимитированы одним уставом, но наличие его внесло бы работу всех секций в единое организационное русло. Мы взяли бы того, что советская революционная писатели назвали себя одной секцией, не согласовав этого предварительно с нами и не сообщив даже нам своей программы, своего членского состава.

Отряд пролетарских революционных писателей мира хотя выступить против грозящей опасности империалистической войны—в защиту Советского союза и трудящихся масс Китая. Значительная часть наших слабых сторон интеллигенции объединяющих в наших отличиях, ясно видит, что борьба против опасности империалистической войны—это значит одновременно бороться и против социал-фашизма. Когда японский империализм начал преступную авантюру, японская секция МОРП обратилась к нам с требованием мобилизовать все силы революционных писателей на борьбу против японского империализма. Это—успехи МОРП.

Но мы все же в недостаточной мере использовали нашу растущую армию для активнейшей борьбы с идеологией загнивающего капитализма, для активной мобилизации трудящихся масс на борьбу за мировой Октябрь.

Таковы основные недостатки нашей работы.

В отчете на харьковской конференции недостатки работы были отмечены за счет отсутствия кадров, необходимых для развития работы МОРП. Задачи организации растут быстро,—вот почему необходимо активное выдвижение новых кадров рабочих в МОРП.

Самая сильная секция—германская—не оказала нам должной помощи, вступление постоянного германского представителя ослабляет нашу организацию. Для теоретической и организационной работы мы недостаточно привлекали силы в пределах СССР. Часть пролетарских писателей СССР не уделяет международному литературному движению серьезного внимания. Руководство РАПП, помогая нам, все же не выделило нам в помощь достаточного аппарата квалифицированных работников. А нам в практике работы приходится сталкиваться с проблемами классовой борьбы разных стран. Каждый наш секретарь должен знать основные проблемы развития литературного движения Японии, Англии, Германии, Америки и т. д. Все больше и больше накапливается опыт движения и руководства, по количеству стран и масштабу разрешенных вопросов становится, и мы не могли охватывать вопросы с должной глубиной.

Более шести месяцев назад мы создали комиссию по вопросам работы МОРП в отдельных странах, которые должны были следить за литературой отдельных стран и специально прорабатывать проблемы революционного литературного движения этих стран.

Работа комиссии двигалась медленно. Вопросы решались схематично.

Необходима решительная перестройка нашей работы. РАПП должен помочь нам мобилизовать широкие круги писателей для систематической помощи в нашей работе. Мы не боимся критики и разверзнем строжайшую самокритику. Мы хотим решительным образом перестроиться и мы требуем помощи от ряда организаций, и прежде всего от РАПП и ВОАПП. Пролетарские писатели всех стран смотрят на Советский союз как на свое отечество. Они с интересом знакомятся с советской литературой СССР. Они прислушиваются к руководству по обновлению в их творчестве. Они хотят учиться у советских пролетарских писателей.

Конкретная критика уклонений зарубежных революционных писателей должна стать в полном изложении классических «коммунистических кадров СССР, конкретно-критические статьи должны помочь нашим зарубежным товарищам освоить творческий опыт писателей СССР. Пролетарские писатели СССР в свою очередь должны не только передать опыт, но и использовать опыт зарубежных пролетарских писателей. Более частое обменение опытом таких писателей СССР с международным движением обогатит литературу все их работы, укрепит их организацию, усилит понимание значения интернациональных связей.

В иностранных секциях МОРП

АМЕРИКА

Как значительное достижение надо отметить образование вокруг нью-йоркского Джон Рид клуба (представляющего собой основное ядро американской секции МОРП) целого ряда Джон Рид клубов в Филадельфии, в Детройте и многих других крупных промышленных центрах САСШ. Некоторые из этих провинциальных организаций обладают уже своими собственными печатными органами.

До настоящего времени взаимная связь этих организаций очень слаба. Ближайшая задача американской секции МОРП — установление непосредственного рабочего контакта между нью-йоркским и провинциальными клубами, помогающим всем их работы, учить их теорией и практикой революционного рабочего движения.

В повседневной работе Джон Рид клуба до сих пор нередко имеет место проявления традиций меньшевиствующей интеллигентской радикальности, сектантской замкнутости, отрыва культурной деятельности клуба от стоящих перед ним политических задач.

К недостаткам работы журнала «Ньюмассес» также нужно отнести недостаточную ее политизацию, хотя за последний год журнал добился значительных успехов: увеличилось количество материалов, посвященных революционному рабочему движению трудящихся масс.

Поворот журнала в сторону систематической работы с попутчиками (об этом говорят вечные споры в последних номерах статьи Драйзера, Дос Пассоса, Шервуда Андерсона) является особенно своевременным сейчас, когда под влиянием кризиса революционно-попутническое движение среди американской интеллигенции приобретает небывалый размах. В орбиту революционно-попутнического движения в САСШ вовлекаются все новые имена. С точки зрения ложных идеологических взглядов, происходящих в настоящее время в сознании широких слоев американской интеллигенции, крайне показательна, например, статья Шервуда Андерсона «Побольше нам преступного снобизма» (напечатана в февральском номере «Нью массес»). В этой статье, выступая на защиту революционной политической деятельности Драйзера в связи с харьковскими событиями, Андерсон утверждает, что сейчас только связь с практикой революционного движения рабочего класса может оплодотворить творчество писателя.

«До 24-25 лет, — пишет Андерсон,— я был простым рабочим, и я полагаю, что если бы я остался им, я был бы сейчас лучшим художником, лучшим рассказчиком. У меня было бы в таком случае, это сказать, — у меня, выходящего из пролетарской массы, за спиной бесчисленных фермеров и обнищавших рабочих, чьи интересы в Америке непрерывно растут.

ГЕРМАНИЯ

В соответствии с установками, данными харьковской конференцией, союз пролетарских писателей Германии стоит после восстановления различных работу среди молодых рабочих-писателей. Эта работа принесла в большинстве положительные результаты. Но часть руководства союза отнеслась к ней как к плановой задаче, что вызвало недопустимую работу по подготовке кадров пролетарских писателей. Некоторые направления работы союза было подчинено секции МОРП решений клапана, и сейчас основы союза можно считать перестроенными.

Дискуссия вокруг проекта программы показала хорошие плоды для германских пролетарских писателей. В ходе ее боев за организацию пролетарского лагеря союз укрепился и организовался.

Лучшей иллюстрацией развития германской пролетарской литературы — ее творческих продукции, нужно рассмотреть поэтическую и литературную. Достаточно назвать «Великий взрыв» И. Р. Бехера, «Фолькфронтрисс» и «Параграф и защиту собственности» Бределя, «Великий обман» Шарриера, «Борьба у шахты» Мархлица.

ФРАНЦИЯ

Возникшая не так давно Французская секция МОРП, объединяющая наряду с революционными писателями и деятелей других областей искусства подразделялась на два течения: писателей и художников. Секретарем секции революционных писателей избран т. Жан Фревиль — литературный критик «Юманите». Секретарем революционных художников избран Поль Мулен.

Союз революционных писателей Франции на основе решений харьковской конференции, в частности резолюций по вопросу о революционной литературе, во Франции и в журнале «МОНД», развернул решительную борьбу с литературой агентурой социал-фашизма. Трибуной секции является литературный отдел «Юманите». За последнее время Жак Фрессель опубликовал в нем разгромную критику литературного манифеста «Монда», направленного против харьковской конференции, и подверг разоблачению ряд произведений социал-фашистских писателей (Пуайля, Бернара и др.).

Первый номер ЦО МОРП «Литература мировой революции» на французском языке был конфискован французскими властями после того, как весь тираж почти разошелся. Предлогом для конфискации послужила напечатанная в этом номере поэма Арагона «Красный фронт», содержащая строки против социал-фашизма и его главарей.

Французская буржуазия вступается за жизнь своих социал-фашистских лакеев и квалифицирует эти строки как «подстрекательство к убийству». Она хочет на основании этого позорного обвинения посадить на пять лет в тюрьму молодого французского писателя, побывавшего в СССР по пути харьковской конференции и написавшего под влиянием великого революционную поэму о социалистическом строительстве, призывающую массы к борьбе с интервентами.

Интересно всего то, что французская прокуратура пытается обвинить Арагона не только за его поэму, но и за все содержание первого номера в частности за перевод «Пятой колонны» Вишневского, квалифицируя его как «призыв солдат к непокиновению».

Лучший из попутчиков пролетариата, т. Ромен Роллан, известный редакцию «Литературы мировой революции» с своей полной солидарностью с литературно-политической линией журнала и заявил свое согласие войти в состав международного редсовета ЦО МОРП.

ЯПОНИЯ

Союз пролетарских писателей Японии выпустил в названии журнала подобию массового типа, одной за этой книгой которых является отношение пролетарских писателей у широко распространенных буржуазных журналов такие «Кинг» и «Фудзи», а также ряда буржуазных женских журналов. В противовес этому буржуазному чтиву, союз создал массовый пролетарский журнал для рабочих, крестьян, интеллигентов, студентов, солдат, матросов служащих и пролетарский иллюстрированный журнал «Пролетарий-граф» (типа АИЦ), который должен вытеснить из среды пролетариата и трудящихся широкие распространенный буржуазный иллюстрированный журнал «Асахи-граф». Создается также специальные пролетарские журналы — женский и школьный.

Например, два раза в месяц выходит массовый орган союза «Литературная газета» (единственная литературная газета в Японии), проводящая большую работу по привлечению к литературе рабочих и крестьян, организуется на производстве и в деревнях широкую сеть литературных кружков.

Борьба, которую ведет союз в течение ряда лет с социал-фашистской литературной агентурой «литературным фронтом», закончилась почти полным разгромом и разоблачением буржуазного предательского характера этой агентуры, чему не мало помог отдел секретариата МОРП на языке письмо «Литературного фронта», адресованное в свое время в МОРП.

Союз пролетарских писателей в ближайшее время выпускает специальный антиимпериалистический сборник, который должен показать в художественных произведениях классовую эксплоатацию и колониальных и подчиненных и их борьбу за независимость. Японское общество друзей СССР начало издавать ежемесячный журнал «Друг СССР». Кроме этого журнала в Японии выходят еще три журнала, посвященные Советскому союзу: «СССР», «Советская Россия» и «Совьето гийдзюцу», освещающие таким образом, вопросы советской литературы.

В связи с международными событиями и экономической катастрофой пролетарий, проходимой союзом, ряд членов союза арестован и брошен в тюрьму.

ОБСУЖДЕНИЕ ИТОГОВ КРИТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ РАПП

в Ленинграде

После вступительного слова тов. Ермилова, особо подчеркнувшего необходимость во всей работе совещания исходить из решений XVII партийной конференции, текстовый доклад об итогах критического совещания РАПП сделал тов. С. Динамов. Повторив в основном положения своего доклада на московском совещании, широко развернув краткую доклад «за плохановскую» ортодоксию, добринских и др. ошибок отдельных работников РАПП, тов. Динамов подробно разобрал и собственные. Фрейдистские ошибки. Он указывает также на ряд недостатков первого рапповского совещания критиков, отмеченные уже руководством РАПП. Но вместе с тем т. Динамов категорически не соглашается с утверждениями, что на совещании якобы не были разверзнуты самокритика и в основу совещания якобы не были положены политические решения XVII партконференции.

В докладе о формальной критике Н. Лесневский верным прикрывшись политическую сущность так называемой «поэтической критики».

Л. Ленин в содокладе о лефовской критике, главным образом останавливается на слабых участках. Недостаточная помощь в перестройке попутчиков, недостаточная борьба с мелкобуржуазными влияниями в пролетарской литературе, плохо выполненные задачи творческого размежевания, слабая помощь молодым пролетариям, недопустимое отставание на таких участках, как показ героев пятилетки, история заводов,—вот основные прорывы на фронте ленинградской критики.

Третий содоклад — о массовой рабочей критике — сделал т. Л. Марнаев.

Прения по докладам заняли третий, четвертый день совещания. Наряду с выдвижением конкретных вопросов, вытекающих из задач, поставленных перед пролетарской критикой письмом тов. Сталина и XVII партконференции, большинство выступавших потребовало развернутой критике ошибки в теоретических высказываниях и творческой практике отдельных руководителей и критиков (Авербаха, Ермилова, Либединского, Добина, Малахова, Федосова, Кемгулова и др.). На разборе и политической квалификации собственных ошибок останавливались в своих выступлениях тт. Добин, Малахов, Кемгулов, Свирин, Самарченко, Федосов, М. Чумандрин, Варшавский, Мустатова (запоздалые признания!). Мессер и др. Совещание дополнило разоблачения контрбазистов, контрреволюционного троцкиста Горбачева, Родова и др. деятелей «Платформы». Тт. Н. Свирин и Г. Мессер, останавливаясь на вопросах обновной литературы, подчеркнули, что эти вопросы должны стать центром внимания не только ЛОКАФ но и всей РАПП. Задачи контакта и практика смотра молодежной литературы, упущенные в докладах, были затронуты тт. Бакинским и Евсеевым.

На последнем заседании с большой речью выступил Мих. Чумандрин. Указав на свои ошибки как редактора и критика, М. Чумандрин значительную часть своего выступления уделяет разоблачению правооппортунистической линии в литературной критике и литературной политике, которую проводит в своей критической работе т. Н. Свирев. Отмечая далее огромное значение возврата комсомола к литературе, положительное значение критики ошибок в колочетов лапповской работы в комсомольской печати, т. Чумандрин указывает как на пример не полностью изгнанной с противоречивой критики на статью «Сумы» об итогах критического совещания РАПП.

С большим вниманием была выслушана речь зам. культпропом ВЛКСМ т. Савельева. Подчеркивая, что нельзя отделять отдельные выступления на страницах ленинградской комсомольской газеты «Смена» с теми принципиальными решениями о работе РАПП, которые помог ЦК ВЛКСМ комсомолу, т. Савельев останавливается на вопросах совместной работы РАПП с комсомолом. На критическом совещании РАПП эти вопросы не были разрешены.

— Если в «Путиловских дневниках» М. Чумандрина, — говорит далее тов. Савельев, — при ряде существенных ошибок, имеется многое, что помогает классово-ленинскому воспитанию рабочей молодежи, то что дают удивительно растрепанные в книжке Д. Острова для формирования мировоззрения подрастающего поколения? Что дает книга Бруно Ясенского «Их пятеро», смазывающая вопросы интернационального воспитания?

Мы развертываем нашу дружную работу в ЛАПП на основе самой жесткой самокритики ошибок РАПП, — заканчивает т. Савельев. — Но до сих пор я не услышал ответа на те вопросы, которые поставлены были в статье, напечатанной в «Правде» и посвященной оценке критического совещания РАПП. Этого ответа мы ждем.

В конце совещания с двухчасовой заключительной речью выступил секретарь РАПП т. И. Макарьев.

Тов. Макарьев подчеркивает разность вопроса об оценке итогов всероссийского критического совещания. Только что кончилась дискуссия с комсомолом, в которой мы были неправы в основном, только что кончился пленум РАПП, занимавшийся вопросом о перестройке РАПП на основе данных нашей указаний. Поэтому поэтому важнейшие на общественности и критическому совещанию, хорошо, что общественность следит за нашей перестройкой, контролирует ее. Но некоторые товарищи спешат, требуя от совещания полных итогов перестройки. Результатом нашей перестройки должно быть создание «Машиностроя литературы». Разумеется, в два месяца они появиться не могут, хотя уже 1932 г., судя по всему, будет «урожайным» в нашей литературе (печатается новый роман Шолохова, поэзия его вторые и третьи книги «Поднятой на Улеге», «Тихого Дона», «Брустов», «Станицы», новый роман Леонова и т. д.).

Надо сказать, что пока перестройка идет медленно и с большим скрипом.

В этих условиях, естественно, что вопрос об оценке совещания приобретает большое значение. Естественно поэтому и вопрос тов. Савельева о нашем отношении к оценке совещания, данной в статье тт. Серафимовича, Панферова и Селького на страницах «Правды». Ответ на этот вопрос заключается в той оценке, которую дает совещанию руководство РАПП.

Какова эта оценка? Мы считаем, что совещание проделало большую работу, оно двинуло вперед разработку ряда вопросов, стоящих перед пролетарским литературным движением.

Однако совещание имело и ряд серьезных недостатков, говоривших о недостаточной еще нашей перестройке. Сюда прежде всего относится слабое участие писателей в работах совещания. Достаточно сказать, что в работах совещания не принимали участия такие товарищи, как Серафимович, Панферов, Сельский, Безыменский, Либединский, Караваева, Чумандрин и др. Слабо развернута была на совещании творческая часть. Большой недостаток совещания—слабая разработка проблем рабочей критики.

Но мы не можем согласиться с таким, например, утверждением, что в основу работы совещания не были положены политические установки тезисов XVII конференции. Несмотря на то, что совещание состоялось до открытия XVII партконференции, оно исходило из установок тезисов конференции (хотя и не развило их в должной мере). Нельзя к тому же, как это делает товарищ, отрывать политические установки тезисов XVII партконференции от установок письма тов. Сталина, вокруг которого стояли в центре прения совещания.

Прямой нелепостью является утверждение, что на совещании не была учтена критика Плеханова, Добролюбова, Фриче.

Тов. Макарьев, поддерживая заявление т. Савельева о том, что статьи «Смены» нельзя отождествлять с линией горкома комсомола, подвергает критике статью т. Майзеля в «Смене», посвященную итогам критического совещания как необъективную и вульгаризаторскую.

— Критическое совещание,—заявляет тов. Макарьев,—работало на основе письма т. Сталина и решений XVII партконференции. Несмотря на все его недостатки, его характеризовало значительный продвижением вперед в деле освоения Ленинским учением фактом ленинского наследства, разоблачением враждебных теорий, усилением наступления на буржуазную литературу, дальнейшим развитием контрреволюционных троцкистских контрбазистов, усилением борьбы как с правооппортунистическими теориями, так и ударом по левацкому» культвлиянию.

СРЕДИ КНИГ

„ГАЛИЦИЙСКАЯ ЖАКЕРИЯ“

БРУНО ЯСЕНСКОГО

В отличие от буржуазных историков и писателей, всячески пытавшихся замазать истинный смысл галицийской жакерии, пытавшихся представить восставших крестьян в виде кучки разбойников и жулья (точь-в-точь, как у нас оплевывались Стенька Разин и Пугачев), т. Ясенский обнажил революционный смысл этой всенародной ненависти обездоленных хлопов к ненавистным панам. Ясенский показал «историческую» закономерность этого события.

Ясенский рисует яркую и выразительную картину угнетения хлопов панами, процесс их революционного становления.

Избавления хлопы напрасно ждут на «белого и высокого Львова», где сидит австрийский наместник. Но отправленный от хлопов хлопом к наместнику Шеля встречает во Львове издевательство и побои.

Колосса на Кайзера рушится. Научленные горьким опытом хлопы уже не верят загнивающим части шляхты, осознавшей необходимость капиталистического развития Польши и потому выступившей против крепостного права. Тупое смирение и отчаяние перерастает в бешеное негодование. Забитые хлопы ощущают в себе огромную силу. Случай с наместником показывает им необходимость самостоятельного вооруженного выступления за землю, за волю. «В нашей роли—судьбы кашы» — провозглашает Ягов Шеля. По всей Галиции прокатывается пожарами крестьянское восстание.

Уверенность в том, что «хлоп — хозяин, а не вор», увеличивает силы и отвагу восставших. С беспримерным мужеством бойцы они за возможность спокойно работать на земле, которая по праву должна принадлежать только им, а не помещику, который «не пашет, не жнет, а жрет за троих и растит жиреть».

Успехи хлопов в одну ночь объединяют всех прежних врагов: австрийское правительство, противящееся и защитников крепостного права. Соглашением условием австрийцев и шляхты крестьянское восстание топится в реках крови. Но дело Шеля не умрет!

Тот, кто хоть раз мои отведал,
Вряд ли пойдет в запряжку!

Наиболее прогрессивной части польского дворянства и мелкой буржуазии удается добиться у переутомленных панов отмены крепостного права, с тем, чтобы наложить на хлопов еще более тяжкое бремя капиталистической эксплоатации. В «Сценическом послесловии» Ясенский показывает этих новых «вампиров, пьющих трудового народа» (Ягоды). В сценах работы прокоопоставленного этим персонажем, Ясенский дает оценку и характеристику выродившейся жакерии, подчеркивая прогрессивность крестьянского движения 1846 г. с современной борьбой рабочего класса за социализм.

Но правильное само по себе указание на эту прогрессивность оказывается неверным, поскольку эта прогрессивность понимается Ясенским только как передача бывшего имения из одних рук в другие, тогда как конечные цели рабочего класса коренным образом принципиально разнятся от устремлений Якова Шеля и его друзей. Ясенский нигде ни одним словом не упоминает об этой разнице, совершенно забывая о том, что положительные идеалы повстанцев при всей их прогрессивности и революционности для своего времени все же ограничены стремлением устроить свое хозяйство, т. е. носят буржуазный, собственнический характер. Лишь отдельно подчеркивал этот момент, указывая на «якобы социалистическую сущность таких мер, как захват земли крестьянами и их действительное демократическое содержание». Ясенский не сумел показать этого.

Таким образом, срывая с галицийской жакерии маски, надетые на нее буржуазными литераторами, Б. Ясенский, однако, не дает действительно объективной картины событий.

Причина того, что Б. Ясенский не сумел показать крестьянское движение 1846 г. в его диалектической противоречивости, коренится в недостатках его творческого метода, для которого характерен упрощенный, схематический подход и воспроизведение процесса классовой борьбы.

Сороковые годы характеризуются резким расслоением среди шляхты, некоторая часть которой вступила на путь буржуазной революционности и с оружием в руках требовала отмены крепостного права и соединения Польши, чтобы очистить путь капитализму. Без анализа этого процесса расслоения почти невозможно понять и галицийскую жакерию. А. Ясенский совершенно не показывает этого расслоения, представляя шляхту монолитным, единым, целым. Упоминание об этом процессе Шелей ничего не меняет, ибо в общем контексте пьесы оно пропадает.

Линия идеализации хлопов особенно ярко сказалась на образе Якова Шеля, который награжден в трактовке Ясенского чертами некоторого художественного избранничества.

Вместо отчетливого, трезвого реалистического показа путей, по которым пошло крестьянское движение, Ясенский часто набрасывает на него дымку своеобразного романтического восприятия.

Но при всех этих значительных и существенных недостатках у Ясенского есть одно огромное преимущество, которое в значительной степени искупает указанные ошибки и является залогом дальнейшего успешного продвижения писателя по пути овладения творческого метода пролетарской литературы.

Бруно Ясенский — пролетарский революционер. Этим определяется боевая, большевистская целеустремленность его поэмы, ее мобилизующий, действенный характер. «Галицийская жакерия»—образец поэзии классовой ненависти, ненависти угнетенных пролетариев к своим угнетателям, поэзии, насыщенной огромной, непреклонной волей к революционной переделке мира. Это качество пронизывает на каждой строчке книги, оно проникает все образы, все ситуации поэмы, делая ее ярким вторжением большевистской партийности в литературу.

При всех отмеченных ошибках, которые допустил Ясенский в показе шляхты, мы не можем не видеть, что эти образы рождены горячей, хорошо осознанной ненавистью, что они способны разбудить эту ненависть в читателе. Особенно ярко и убедительно Ясенский показывает в своей поэме классовую сущность продажной иезуитской католической церкви. Образ иезуита, сцена предательства Шеля иезуитом могут иметь огромное агитационное агитационное значение.

По винным, не пеньем пьяным,
Зарывались в туман и в мех,
Я собрал, как умел, эту песню —
Окровавленный, злой мешок.

Так писал Ясенский в прологе к «Слову о Якове Шеле». Эти строчки могут быть взяты эпиграфом и к «Галицийской жакерии», одной из наиболее волнующих страниц мировой пролетарской литературы.

ЕВГ. СУРКОВ

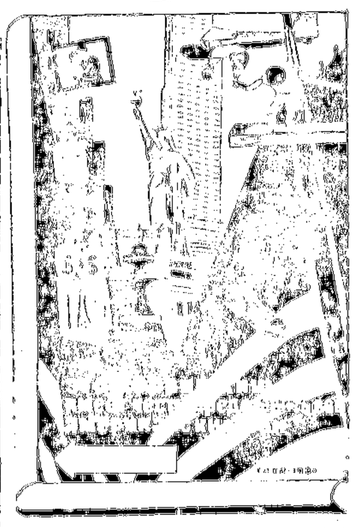
Оборотная сторона „процветания“

Накануне хозяйственного краха, небывалого краха, потрясшего ныне Америку, американские реформисты создали теорию, утверждающую, что «страна восходящего доллара» представляет собой счастливое исключение, что ее минует экономическая разруха. Книга очерков талантливого немецкого журналиста Киша* была написана в тот момент, когда события только назрели, когда грозный призрак небывалого краха только появился на горизонте американского «процветания».

В этой большой серии очерков мы имеем своеобразный художественный репортаж. Легко и как будто бегло кисть разнообразнейших сторон «американского рая», автор с большим искусством «рывает покровы с преступного «процветания» показывая изнанку буржуазного процветания.

Здесь — земельные спекулянты такого масштаба, что, кажется, сами земельные участки сошли с ума, а люди, спекулянты, предприниматели, собственники участков, агенты, потеряли всякое чувство действительности. Здесь — нетронутый уголок Нью-Йорка, Гарлем, называющийся среднечеко-вое гетто где живут черные люди, обслуживающие белых господ, но не имеющие права проводить с ними ночь под одной кровлей и удаляющиеся на эти часы в свой собственный город. Здесь — аверсы эксплуатируемые пароходными обществами моряки, настоящий люмпен-пролетариат моря, те, кто заполняет ночлежки мисеповского дома. Один лишь раз попытать эти ночлежки — «хватит потерять всякий вкус к стране янки и к чудесам американского строя... Самое ужасное — это распаленный в нижнем этаже зал для богослужения. Тут сидят, лежат пропавшие, прислонившись друг к другу сотни людей, и мало-помалу замечаешь — ниже, под скамейками, на полу, в мусоре лежат еще более несчастные, перепутавшись ногами, стоная и ворочаясь во сне». Здесь — заводы Форда, внешне блестящие и вылощенные заводы, где рабочие лишены даже элементарных удобств. Здесь — рынок человеческого труда, который даже официально называется «рынком работ».

Но этому показу отдельных картин недостает объединяющей концепции. За этими отдельными моментами, как бы



потрясающими они были некоторые из них, читатель не ощущает единой картины надвигающегося краха. Совершенно недостаточно Эгон Эрвин Киш показал многомиллионный американский пролетариат, зрошенный для гражданской войны.

А Киш должен был в нем бы проявить большую классовую чуткость в подходе к действительности капиталистического «рая». Тем более, что большую часть своего пути автор проделал не простым путешественником, не бесстрастным наблюдателем. Проехав маршрутом обхода на Америку от Нью-Йорка до Мексики. На себе самом испытал он и тяжесть изнурительного труда на пароходе и тяжесть самодовольных и безжалостных американских буржуа. Он мог бы показать нам разоблаченную Америку, страну великих стачек, грандиозных рабочих демонстраций, страну, где сотни тысяч нетронутых рабочих втягиваются в ряды борцов, руководимых компартией.

В этой книге, как и в первых двух, знакомых советскому читателю («Неистовый репортер» и «Преступление кочегарки Редля»), Эгон Эрвин Киш вновь показал себя блестящим очеркистом, сумевшим поднять репортаж на значительную высоту. Киш не гонится за дешевой сенсацией и рекламой. Он разрабатывает факты и явления общественной жизни с простотой и естественностью, он умело сплетает художественно яркую зарисовку с злободневностью. Быть может, этот репортерский живописующий характер «американского рая» и послужил причиной того, что книга довольно быстро устарела. В жизни Америки — это уже вчерашний день, в творчестве Киша — это уже пройденная ступень.

Эгон Эрвин Киш — член компартии Германии. В борьбе за освобождение Макса Редля он показал себя «активным борцом за дело международного пролетариата. Киш сейчас в Москве. Недавно на собрании, посвященном МОРП, в горячей речи делился он впечатлениями на задачи немецких революционных писателей, путь которых, по его словам,—непрестанная борьба с активизирующимися фашистскими элементами.

Мы уверены, что он реализует эти требования в своем творчестве.

В. ГУРВИЧ

* ЭГОН ЭРВИН КИШ ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПРЕДСТАВИТЬ ВАМ АМЕРИКАНСКИЙ РАЙ. ГИХЛ, 1931 г. Авторизованный перевод с немецкого А. Ариян. Тир. 5.000, стр. 400, ц. 2 р. 80 к.

ГЛАЗАМИ АНАРХО-ИНДИВИДУАЛИСТА

Лейт-мотив книги * — нетерпимость бродяг к капиталистам. Но книга в то же время направлена и против рабочего класса: сторонники «свободной» Америки не считают американских рабочих своими организационными собратьями и оценивают их, как некоторых рабов капитала. Себя же они считают подлинно свободными людьми, которые живут впроголодь, но не гнут шеи перед ожиревшим пузом буржуя.

Это неверное понимание исторической роли рабочего класса характеризует автора, несмотря на то, что он подписался «со дна». Своего мнения о рабочих, своего индивидуально-анархического взгляда на классовую борьбу, выработанного во время бродяжничества, он не оставил до сих пор. Он до сих пор не может осознать своей ошибки в оценке движущих сил революционного развития рабочего класса.

Хотя автор и смеялся иногда в горделивую позу нищего короля, хвастаясь своим «свободным» отношением к жизненным перипетиям, но всем бросается в глаза, что эта гордыня поза наигранна и насквозь фальшива, что за ней скрывается «свобода» бродячей собаки, лишенной на одинокое бесцельное существование.

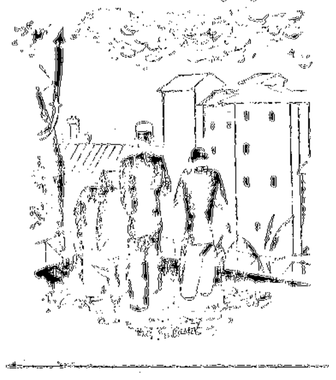
Этим Толли лишний раз подчеркивает несостоятельность по-настоящему бороться с капитализмом. Правда, бродяги грабят и обкрадывают капиталистов, но эти индивидуально - террористические акты разрыва с буржуазией, главной причиной которых является не осознание классовой борьбы, как системы, подсказываемой ходом исторического развития, а мотивы личного характера, мотивы мщения, ничего общего не имеют с революционной борьбой.

* ДЖИМ ТОЛЛИ. «ТЕНИ ЛЮДЕЙ». ГИХЛ. 1931, стр. 195, ц. 1 р. 70 к.

Толли не намечает никакого выхода «со дна». Нигде нет и мысли о необходимости отойти от своего прежнего пути и объединиться в крепко спаянный коллектив для организованной классовой борьбы.

Поэтому книга Джима Толли является политически чуждой, неверно показывающей американскую действительность. Для советского читателя книга представит известный интерес только как исторический документ, лишний раз подтверждающий несостоятельность и лживость лозунга «американизации».

БОРИС АГЕЕВ



НА ФАБРИКАХ КНИГИ

* «Васька Гитарь» — повесть Р. Фрайермана, «Реки черного яда» — М. Макарова, «Выбор» — повесть О. Кретовой вышли в ГИХЛ.

* «Строитель новой жизни» — сборник очерков интернациональной бригады строителей, куда вошли и произведения П. Бани, Купоров, Б. Гронберга, Жозефа Кьонцк и Н. Матраса, вышли в ГИХЛ.

* Собрание сочинений В. Курочкина выходит в ГИХЛ специальным юбилейным изданием к 100-летию со дня рождения поэта.

* «На полустане» — стихи рабочего-ударника А. Сухарева выходит в серии современной русской художественной литературы ГИХЛ.

* «Нефть»—книга К. Гурвича, «Сингрей» Медынского, «Пьесотский симпозиум» Шевцова с рисунками худ. Кукрыниксов—выходит в серии новых пролетарской литературы ГИХЛ.

* «Жаленный сурком» — стихи Х. Нечаюнко выходит в серии новых пролетарской литературы.

* Избранные стихотворения Н. Бехера в новом переводе выходят в серии новых книг советской революционной литературы ГИХЛ.

* «Общество и полуинтеллигенция» А. Сидоровского выходит в серии литературы ГИХЛ.

* Сборник статей «Большой читатель» Н. Лесина выходит в изд. «Федерация».

* «На заре революционной пролетарской борьбы» — книга воспоминаний о Н. Баумане, М. Бруснева, Ф. Лорвовой голубиной до Англиской больницы — книга воспоминаний о Финеева выходит в издательстве «Федерация».

* «Женщина в море» — Новиков-Прибой, «Исчадье» — роман И. Шухова и очерки об островах Св. Лючия «Америка граничит с нами» Б. Лапа и З. Хацревича выпускает изд. «Федерация».

Материя одного заблуждения

Подобно Бурбонам, русская эмиграция принадлежит к числу тех, кто ничего не забыл и ничему не научился. Но такое общее сравнение все же будет несправедливо по отношению к французской эмиграции. Идеи французских эмигрантов явились источником всех реакционных идеологий XIX в. и даже моего времени. От Шатобриана пришли нам реакционная романтика, подобно тому как реакционный рационализм великим идет от Жозефа де Местра. Русская же эмиграция ничего подобного не создала. Ее идейное бесплодие полно и абсолютно. Она не дала ни одной идеи, которая могла бы быть использована международной реакцией. И фашизм, который в различных своих проявлениях, от Шпенглера до Ирвинга Бобсета и от Жоржа Сореля до Шарля Маррраса, является единственным жалким выражением, пытаясь цинично утверждать право западной буржуазии на существование, ничего не мог почерпнуть в русской контрреволюционной мысли. Эта мысль ограничивается только одними измышлениями ложных сообщений, предназначающихся для антисоветской пропаганды.

В среде эмиграции возникло в свое время идейное течение «Евразийства» (1920—26 гг.). Как утверждает само название, Россия по мнению «евразийцев» была страной, непохожей ни на Европу, ни на Азию. Это движение было одной из разновидностей национализма, обычно порождаемого порабощенными расами, так как было очевидно, что небольшевистская Россия может существовать только как колония западных империализмов и что коммунисты спасли Россию от колониального рабства. Евразийство можно определить как русский национализм, т. е. фашизм буржуазии, прикрываемый более сильной национальной буржуазией. Мы находим в нем такое же враждебное отношение к пролетарскому интернационалу, такое же желание признать классовую борьбу в своей среде, ту же критику западной мысли, ее рационализма, «материализма» и такую же идеализацию национальной религии.

Неправдивость евразийских идей была такова, что их легко можно было принять за что угодно, перестроить кое-что по-на было забывать, не говоря лицемерные признаки умственной неустойчивости. Но это не так. Евразийцы были наиболее талантливыми продуктами того мистического и метафизического «возрождения», которое зародилось в России после революции 1905 г. Идеалистические, мистические и метафизические выдумки являются естественным убежищем разлагающейся буржуазии, у которой нет больше смелости оставаться материалистической, т. е. просто смотреть вещи в мир такими, как они есть. И с начала империалистической эпохи (т. е. с конца XIX в.) подобные нелепости были чрезвычайно распространены во всех странах Запада: богоискательство, прагматизм, антифилософия, кретинизм, англосаксонцы и уже не знаю, какие еще другие исполинские «измы». Дореволюционная Россия представляла собой особенно благодатную почву для выращивания подобной сорной травы. Евразийцы и здесь прямыми преемниками российских религиозных философов. Люди, лишенные своим идеализмом воспитанием к разрешению политических проблем, они в этой области побили все рекорды глупости.

Я примыкал к евразийству с 1923 г., когда все мои эмигранты, которые считали себя избранниками нации, не могли не почувствовать себя рыцарями, стоящими значительно ниже счастливых запятых буржуа или победоносного класса рабочих и крестьян нашей родины.

Как и вся буржуазная интеллигенция моего поколения я с 1907 г. испытывал на себе весь гнет идеалистического воспитания. Я любил примерить к себе известное выражение Петтоля, приписываемое Робеспиру: «Бедным я материалист, но разум мой отказывается им быть».

Мой «разум» под влиянием эстетических и мистических идеологий 1905 г. принимал как аксиому, что для современной новейшей мысли полностью вопрошена в Достоевском, Ницше, Бергсоне и им подобных. В продолжение шестнадцати лет мой «разум» создал в моем «сознании» такой «величественный» и идеалистический сумбур, который мой здравый смысл отказывался принимать всерьез, но который все же являлся огромным препятствием для всех исканий моего самосознания.

Основной обтяж, под которым мне представлялась национальная проблема в 1924—26 гг., был таким же, каким он нашел свое отражение в советской литературе. Первая послереволюционная плеяда писателей вышла из тех же эстетических и формалистических течений, которые были интимно связаны с эпохой после 1905 г. Эти писатели нам были очень близки. Их творчество казалось нам истинным выражением умственной и единой России, независимо от всякой классовой борьбы. Произведения Бабеля, Пастернака и других были той современной формой, в которую вылилось наше представление о динамическом единстве России. Именно в советских писателях и поэтах того времени (не коммунистах) и возрождалась эта идея навечной России. Но натуралистический и аполитичный эстетизм, который выкристаллизовался в нашем нами обиходе «Перевалы», был только переходным этапом. Вся возрастающая близость к советской литературе, которая давала нам возможность лучше познакомиться с СССР, незаметно приводила нас к поискам других источников его познания.

Что касается лично меня, то крупная английская забастовка 1926 г. заставила меня почувствовать, что я стою по «ту сторону баррикады», и я понял, что выбор между про-стариком и буржуазией мною окончательно сделан и что буржуазия — мой враг и такой же враг, в какой есть является для пролетариата. Не столько сама забастовка, которой я почти не видел, сколько жалкий, нечеловеческий лик «социального строя» британской буржуазии заставил меня понять, что общих интересов с этой буржуазией у меня быть не может.

Другие перерождающие нас влияния шли со стороны СССР. И тут на первом плане надо поставить советскую литературу. В 1927-29 гг. появилась новая плеяда пролетарских писателей, которая стала вытеснять формалистическую и мелкобуржуазную литературу 1921-22 гг. Особенно следует отметить замечательный роман Фадеева «Разгром», который является мастерским анализом коммунистической психологии и этики и который произвел на меня неизгладимое впечатление. Моему перевоспитанию не мало способствовала также личность Максима Горького.

Другое решительное влияние надо отнести за опыт моих исторических изысканий (я подготовлял в это время докторскую историю России, которая была впоследствии издана в Англии), приведших меня к изучению Покровского, этого замечательного марксистского историка, которой с огромной силой ума мог раскрыть и научно обосновать все наше народное прошлое. Он, быть может, и нанес первую наиболее сильную брешь, что история сама собой стать подлинной наукой и что, оставаясь материалистической, она может не только систематизировать и изобразить исторические события, но на-настоящему их объяснить. И наконец, наиболее углубленное и последовательное изучение действительности СССР открыло нам глаза на истинную сущность коммунистической власти.

Евразийство перестало существовать в ноябре 1929 г. Смерть его была для меня скорее освобождением, чем трагедией. Идеология евразийства, которая с все большим упорством утверждалась как идеология религиозная, стала для меня совершенно неприемлемой. Мое материалистическое «сердце» восставало против этого мнимого «разума», который держал его в подчинении в течение почти четверти века. Но цепи нетерпелись, и нужно было только небольшое усилие чтобы их разбить. Покровский успел уже вымести из мозга идеалистического сора. Я приобщился к Марксу. Но старые навыки все еще мешали мне двигаться дальше. Счастливый случай мне и этим помог. В августе 1929 г. я получил от одного английского издателя предложение написать биографию Ленина, которое я принял, не будучи совершенно знаком с материалом. Конечно, личность Ленина всех нас давно привлекала. Я чувствовал величие этого человека, когда был еще по ту сторону баррикады, в белой армии, по одним его газетным выступлениям, и особенно по его самокритике, которая производила впечатление беспримерной смелости и необычайной силы самоуверенности. Но то, что я знал о Ленине, было очень незначительно и взято мною из третьих рук. Обяж, который я себе создал, был скорее «интуитивным» построением, чем историческим образом. И вот тут-то я и взялся за чтение произведений Ленина.

Те месяцы, которые я провел с Лениным*, были наиболее значительными и плодотворными в моей жизни. Они дали мне возможность окончательно выбраться из моего умственного отрочества, которое затянулось сроки, положенные для этого природой. Самым ярким из того, что мне дал Ленин, является огромное ощущение действительности и необычайная ясность мысли. Идеалистический тест моего мировоззрения не давал мне возможности свободно думать. Вместо того, чтобы идти прямо к объективной материалистической действительности, которая является абсолютной и единственно приемлемой для нашего разума и его высших истины, я тешился фантастическими построениями и субъективными фикциями, унаследованными от неизвестного мифологического и метафизического прошлого, которое давало мне, быть может, некоторое временное удовлетворение, но от лишь не позволяло мне по пути познания. Оставаясь в плену этих мнимых умозаключений, трудно бывает предпочесть одну фикцию другой. Но как остаешься идеалистом, все твои построения произвольны, приходится отказываться от всякого мировоззрения и подчиняться любому авторитету.

Ленин был мне интеллектуальным освободителем, так как он помог мне увидеть действительность такой, какой она есть, а не такой, какой ее многие хотят видеть или ее воображают. И действительность, которую он передо мной открыл, оказалась чрезвычайно многообразной, сложной, многогранной и динамичной, но условной лишь для активно свободного и действенного разума, приближающегося к ней не в качестве «бесстрастного и бесстрастного» обозревателя, а в качестве практика, который хочет эту действительность понять для того, чтобы ее преодолеть и переделать. Кроче говоря, он открыл мне реальность диалектическую. И уже давно ее предчувствовал и предугадывал, но Ленин впервые открыл мне ее глаза. Эта была реальность классовой борьбы, реальность пролетарской диалектического буржуазного общества и приближающейся и неминуемой победы коммунизма.

Случилось так, что те месяцы, когда я «открывал» Ленина, оказались решающими для всей мировой истории. Они увидели победоносную реализацию первого года пятилетки и революционное перерождение деревни, они увидели также конец процветания американского «благополучия» и начало кризиса мирового капитализма. Таким образом, по мере того, как я глубже проникал в понимание ленинизма, «сама история все громче и внушительнее утверждала справедливость коммунистического прогноза и наступление решающего момента капиталистического краха.

Через Ленина я пробился в Маркса. И я смог вместе с великим революционным поэтом Маяковским сказать:

Мы открывали Маркса каждый том,
Как в доме собственном мы открываем ставни...

В доме, в котором отныне, наконец, светло работать.

Д. МИРСКИЙ

* Прежде всего, сами произведения Ленина дали мне возможность приобщиться к его мысли и личности. Но я должен отметить, что наиболее полному их пониманию способствовали две совершенно замечательные книги: «Основы ленинизма» Сталина, которые являются мастерским изложением мыслей учителя его самым великим и лучшим учеником, и «Воспоминания» Н. К. Крупской.

О СТАТЬЕ Д. МИРСКОГО

Мы печатаем выше с сокращениями статью Д. МИРСКОГО, впервые помещенную в прошлом году во французской печати.

Д. Мирский был белым эмигрантом, одним из видных представителей так называемого «евразийства». «Евразийство» являлось литературно-философским течением, в среде русской контрреволюционной эмиграции. Политический смысл «евразийства» заключался в расчете на торжество капитализма в СССР, на победу буржуазной контрреволюции над социалистической революцией рабочего класса.

Огромные успехи социалистического строительства в СССР и кризис международного капитализма обусловили распад «евразийства», перестающего существовать как идейное течение. Оценка, которую Д. Мирский дает белой эмиграции и «евразийству», сама по себе представляет значительный интерес. Но еще больший интерес для советского писателя представляют места в статье Д. Мирского, говорящие о советской литературе, об идеализме и диалектическом материализме.

Советская литература давно вышла на международную арену классовой борьбы. В статье Д. Мирского обращает на себя внимание данная им оценка патриотической литературы восстановительного периода, с одной стороны, и пролетарской литературы (в частности «Разгрома» А. Фадеева), с другой. Признания Д. Мирского лишний раз подтверждают, какое огромное политическое значение приобретает каждое произведение советской литературы в классовой борьбе не только в пределах СССР, но и за его рубежами.

И тот попутчик, который на новом этапе социалистической революции превращается в литературного союзника пролетариата, не может им стать, на резрешение для себя заново своего прежнего попутничества, не подвергнув его беспощадному, бескомпромиссному, глубоко продуманному пересмотру.

В статье Д. Мирского содержатся такие положения, крайне важные для постановки вопроса в путях идейно-творческой перестройки. Это — заявления о росте идеалистического мировоззрения, о раскрепощении сознания, которое дается мировоззрением диалектического материализма, о значении творческих работ Ленина и Сталина. Такие заявления, сделанные бывшим «евразийцем» (и тем более знаменательные), имеют прямое отношение к творческой дискуссии в ВССП, подтверждая, что лишь на путях овладения мировоззрением диалектического материализма и ликвидации буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков в сознании советского писателя возможен в ближайшем огромный расцвет искусства социалистического реализма.

КОНЕЦ АПОЛИТИЧНОСТИ И НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Не „ноев ковчег“, а организация перестраивающихся писателей

СОБРАНИЕ ВССП В ЛЕНИНГРАДЕ

Годовое собрание ЛО ВССП по существу заключило первый цикл дискуссионных собраний, прошедших в 1931 г. в Ленинградском союзе советских писателей, как раз продемонстрировало решительный поворот ленинградской организации писателей—попутчиков и попутчиков—к основным вопросам литературной политики творчества. Об этом говорят, прежде всего, отчетный доклад руководства (т. М. Л. Слонимского), в котором «безпартийная статистика» количества заседаний правления (были причины этим прошлые отчетные собрания ВССП) окончательно уступила место политическим итогам литературного года, задачам и проблемам, стоящим перед социалистическими и попутническими отрядами советской литературы.

Тов. М. Л. Слонимский подробно останавливается на проблеме перестройки попутничества. Уже с известной декламации 1929 г. возникла опасность механической, декламативной перестройки. Мы и сейчас имеем в союзе настроения, говорящие об этой опасности. Эти настроения можно выразить примерно таким образом: термин «попутчик» устарел, от этого термина надо отказаться, переименовав ВССП в «союз союзников». Такая постановка вопроса ошибочна, она снимает основную проблему, стоящую перед каждым писателем, проблему органической перестройки. Путь от попутчика к союзнику—длительный и сложный путь.

Не менее вредны в другие — «безмятежные» — настроения, тоже мотивирующие перестройке ВССП: мол, наша организация советских писателей — устойчивая организация, и не следует лишать союза советских писателей вообще закрыть. Взгляд, в нашей работе мы сталкиваемся и с утверждениями о том, что ВССП какой-то «Ноев ковчег», механическое соединение людей по профессиональному признаку. Эти утверждения являются вредными тра-

Дружеский шарж

Н. Радлов

М. СЛОНИМСКИЙ

дициями старого союза писателей, принципиально «аполитичного».

Союз советских писателей обладает преимущественно интеллигенцией, вышедшей из [illegible] культуры обременяет большинство попутчиков. Большинство писателей несет в себе наследие индивидуалистического порядка. То, что писатели, вошедшие в ВССП, владеют литературной техникой, — это сейчас составляет большинство попутчиков, — несомненный плюс. Но этот плюс превращается в минус, когда он остается абсолютно, когда заявляет, что, мол, вот эта культура — наши достижения, и мы их преемственно не намерены. Еще этим летом во время творческой дискуссии мы имели определенные формалистические высказывания группы писателей и литературоведов—членов ВССП. Мы имеем даже спор: создает ли идеология формы или формы идеологию? Если посмотреть творческую продукцию наших писателей, мы найдем формалистское влияние в ряде произведений, хотя бы в «Правде» Б. Канторина.

У некоторых писателей-попутчиков имеется глубоко неверное представление о роли попутчиков, которая якобы заключается в том, чтобы перезать пролетариату всю старую культуру, как будто происходит мирная встреча двух культур, тогда как это не мирная встреча, а борьба. Ошибка такого рода, например, в «Сумасшедшем корабле» О. Форш была замечена и в высказываниях некоторых писателей. И надо сказать, что груз старого наследия обременяет не только «старых попутчиков», но и попутчиков второго призыва. Можно указать, например, на выступления Г. Куклина на творческой дискуссии с призывом учиться у... символистов, можно указать и на глубоко ошибочные высказывания Ю. Бежина. Возрастный призыв здесь роли не играет, ошибочно поэтому выступление на московской дискуссии писателя Д. Хаита, заявившего, что попутчики второго призыва уже являются союзниками, поскольку они формировались уже после революции, марта культура пустила в них неглубокие корни. У таких попутчиков имеется даже какое-то пренебрежительное отношение к вопросам идеологии. Мы имеем такого рода настроения, когда писатель не желает перемерить свой багаж, не желает признать и пролетарскую литературу, и с этими настроениями мы категорически боремся. Эти настроения ведут в творческой практике к прямым реставрационным тенденциям. Даже по «традициям» писатели всегда стояли на уровне передовых идей своего века. Даже по «традициям» мы обязаны пересмотреть свой идеологический багаж. Писатель, стоящий на ошибочных позициях и не желающий перестраиваться,—не советский писатель.

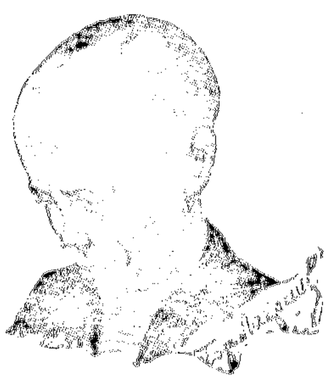
Характерная черта большинства членов ВССП — хорошее знание интеллигентской тематики при плохом знакомстве с жизнью рабочих. Собственно, это и привело к высказыванию А. Фадеева на московской дискуссии о том, что роль попутчика—писать только об интеллигенции, установить своего рода автономную тематическую республику, отгородившись от остальных политически актуальных тем. Большую помощь нашим писателям в овладении тематикой сегодняшнего дня оказали бригадные поездки, но при этом надо отговорить, что союз этими поездками руководил плохо. Большую роль в приближении к сегодняшней тематике сыграет участие писателей в реализации постановления Центрального комитета партии о создании «Истории гражданской войны» и «Истории заводов», и, наконец, шефская работа союза на заводе «Красный треугольник». Но тематический признак все же не является признаком, по которому идет дифференциация в нашем союзе. Конечно, когда некоторые писатели, хотя бы С. Спасский, на последнем творческом собрании [illegible] культуры тянутся [illegible] разлетаются на «бежевых тонах». Дело не просто в тематике, а в идеологических позициях, с которых мы подходим к той или другой теме.

Перед ВССП стоят задачи перевоспитания попутнических кадров советской литературы. Между тем, мы, организуя творческую дискуссию, кладущую большое значение, в то же время недостаточно сосредоточили на ней усилия своей работы идейно-творческие вопросы. Нашей работе мешали и такие объективные обстоятельства, как огромная нагрузка работы находилась на бюрократических позициях, что ему совершенно ясна необходимость полного идеологического перевооружения всех представителей так называемой попутнической критики.

Л. Гребарь указывает, что правильное обвинение, предъявленное ему всей советской критикой, всей советской общественностью, обвинение в игнорировании прошло мимо союза писателей, не включивших его творчество ни в один из туров творческой дискуссии. Л. Гребарь предлагает руководству союза оказать помощь в его перестройке критическим разбором двенадцатилетнего творческого пути.

Дружеский шарж

Бор. Лавренов



С. СЕМЕНОВ

М. Козаков говорит о задачах, стоящих перед советской литературой в связи с решениями XVII партийной конференции и выдвигает ряд предложений об участии писателей в производственно-издательской работе. Основываясь на практике издательства писателей в Ленинграде, М. Казаков считает эту работу действенным фактором перестройки попутнических кадров.

Годовое собрание ленинградской организации ВССП избрало новое правление, в которое вошли: Браун, Ганзен, Груздев, Данько, Зощенко, Каверин, Козаков, Куклин, Лавренов, Лавруски, Лаганский, Н. Никитин, Полонская, Раковский, М. Слонимский, Семенов, Спасский, Сюринов, Н. Тихонов, Тынянов, О. Форш, Фроман, Чугандрин, Чернышев и Штейнман. В ревкомиссию избраны: А. Прокофьев, С. Спасский и Г. Сорокин.

Б. РЕСТ

ПЕРВЫЕ ИТОГИ СМОТРА

В большинстве районов Москвы уже проведено обсуждение произведений молодежных писателей, включенных в смотр. Московский облитаб по смотру молодежной литературы при Мосгоркоме комсомола приступает к подведению первых результатов творческого смотра. В марте будет обсуждена работа по смотру Дорофеевского, Пролетарского и Замоскворецкого районных смотров творчества: М. Колосова, А. Безыменского, А. Каразиной и рабкора-ударника автозавода им. Сталина тов. Баранова. Следующее заседание облитаба будет посвящено обсуждению итогов смотра творчества: А. Жарова, (Дзержинский район), А. Сурикова (Фрунзенский район), Д. Аптаулова (Тушинский район).

Облитаб, заслушав сообщение МосЛОКАФ об участии в смотре, отметил, что МосЛОКАФ совсем еще не развернул творческого смотра молодежной литературы в красноармейских частях и на предприятиях.

Московский облитаб утвердил дни проведения областного литературного конкурса на лучшее произведение (очерк, рассказ, повесть, поэма, стихи, пьеса) о комсомоле.

Установлено пятнадцать премий—от 500 до 300 рублей. Облитаб установил три срока для рукописей на конкурс: 15 июля, 15 октября и 1 января 1933 г.

В жюри конкурса вошли: А. Косарев (председатель жюри), Селиванов, Лукьянов, Стецкий, Мехлис, Троицкий, Хинчуг, Авербах, Безыменский, Жаров, Фадеев, Панферов, Колосов, Каразина, Киршон, Афиногенов, Серафимович, Ковалев, Д. Бедный, Лещинер, Гидаш, Иванов (секретарь МК комсомола). Замайский, Луговской, Дикенман, Корнейчук, Дубянин, Аверко, Персиц, Ивушкин, Семенов.

В. П. ПОЛОНСКИЙ

24 февраля в 5 часов вечера в Магнитогорске скончался Вячеслав Полонский.

Тов. Полонский приехал в Магнитогорск 22 февраля в 1 час ночи, заболел в дороге. С поезда т. Полонский был снят в бессознательном состоянии и перевезен в больницу. Консилиум определил сыпной тиф при абсолютной аритмии сердечной деятельности. Температура, поднимавшаяся выше 39, после возвращения сознания держалась вплоть до слабой деятельности сердца из уровня 36.

Вячеслав Павлович Полонский родился в 1886 г. в семье чиновника, учился в Петербургском психоневрологическом институте, откуда был исключен за руководство студенческой забастовкой и выслан на два года в Одоевскую губернию. По возвращении читал лекции по литературе. С февральской революции — член группы соц.-интернационалистов. С 1919 г. — член ВКП(б).

После Октябрьской революции т. Полонский работал в Реввоенсовете (был председателем Высшего военного редакционного совета), а впоследствии — в журналах. В. П. Полонский был основателем и редактором журнала «Печать и революция». Редактировал в течение пяти лет (до декабря 1931 г.) журнал «Новый мир». Тов. Полонский был редактором отдела литературы и искусства Большой советской энциклопедии с I по XVII том включительно (1925—1930 гг.). В последнее время т. Полонский состоял директором Музея изобразительных искусств в Москве. Тов. Полонский был членом ВССП и принимал активное участие в ряде общественно-литературных и творческих выступлений союза (дискуссия в сентябре 1931 года и т. д.).

В статье, посвященной памяти В. Полонского, «Известия» (27 февраля) пишут:

> «По своей натуре он был не пролетарским, а интеллигентским революционером, но революционером, который решил и упорно хотел работать в рядах пролетарской партии. Полонского много и жестоко критиковали за его ошибки, но он упорно учился и работал над собой. Он был полон сил и энергии, и нет никакого сомнения, что борьба пролетариата и новых социалистических знаний, которую он строит, перерабатывала бы [illegible] интеллигентскую закваску Полонского и сделала бы из него крупного талантливого работника.

ПОХОРОНЫ В. П. ПОЛОНСКОГО

Редакция «Известий» создала комиссию по организации похорон В. П. Полонского в составе тт. Гриценко [illegible], В. С. Мединского («Известия»), А. Мальвинкина («Новый мир»), В. Лидина (ФОП) и Гриценко («Гиганты»).

Гроб с телом покойного прибывает из Магнитогорска в Москву 1 марта и будет установлен в клубе писателей (ул. Воровского, 52).

К 15-ЛЕТИЮ КОМСОМОЛА

СОЗДАТЬ ДОСТОЙНЫЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ!

КНИГУ О КОМСОМОЛЕ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ!

ОБРАЩЕНИЕ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙКОМА ВЛКСМ

Близится пятнадцатая годовщина ленинского комсомола. Пятимиллионная организация должна оглянуться на пройденный путь. Новым пополнениям нужно передать боевые революционные традиции союза, показать лучшие образцы комсомольской работы, образцы подлинного ленинского стиля.

Первые комсомольские ячейки сложились на предприятиях нашего района. Москворецкие комсомольцы были в первых рядах зачинщиков социалистического соревнования на передовых позициях социалистической стройки.

К пятнадцатой годовщине Замоскворецкий районный комитет комсомола издает сборник «Комсомольцы Замоскворечья за 15 лет».

Лениньцы воспитать молодое поколение, воспитать их в духе боевых большевистских традиций нашей партии—главная задача сборника.

Старый комсомолец Замоскворечья! От тебя мы ждем воспоминаний и материалов о героическом борьбе комсомола за революцию на октябрьских баррикадах Москвы, на фронтах гражданской войны, в героической борьбе с разрухой.

Пролетарский поэт и писатель! Товарищи Безыменский, Асеев, Алтаузен, Кирсанов, Жаров, Луговский, Сурков, Ситновский, Шухов, Исбах, Караваева! От вас мы ждем творческой помощи, художественного показа работы и борьбы нашей организации, художественного показа наших героев. Автором сборника должна быть вся наша шестнадцатитысячная организация. Покажите, как боевые традиции дважды красно-знаменного комсомола вовлетились в борьбе за социализм.

Литературоведы района, литературный Москвы! Товарищи Смелянов, Цыганкинский, Зарубин, Бутурлин, Баранов! Для вас создание сборника — решающий творческий экзамен. Работа над сборником должна стать вашей центральной задачей.

Все материалы для сборника (литературные и художественные произведения, исторические документы и фотографии, личные воспоминания и письма) присылайте по адресу: Ново-Кузнецкая, 40, ранком ВЛКСМ, культпроп—для сборника.

Последний срок подачи материалов—1 апреля.

Все материалы будут возвращены в декадный срок по выходе сборника.

СБОРНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЫПУЩЕН

Как районные бюро МАПП готовятся к выпуску сборника, посвященного XV-летию московского комсомола?

Лучше чем в других районах проводится работа в Замоскворецком районе. Там для создания истории комсомола организован центральный районный штаб из представителей РК ВКП(б), РК ВЛКСМ, райбюро МАПП и фабрично-заводских литкружков. На первой сигнальной фабрике (б. Цинцель), на Химзаводе, на заводе «Мосэлектрик», на фабрике «Московской» № 8 и на фабрике «Парижская коммуна» уже приступили к составлению сборников о местных комсомольских организациях. Общерайонный сборник предполагается выпустить в начале мая.

***

В Ленинском районе организованы три комиссии на предприятиях заводы Ильича, завод «Красный пролетарий», фабрика «Красный Октябрь». Каждая комиссия состоит из пяти человек: культпроп местной комсольской ячейки, член райбюро МАПП и литкружковцы.

На заводе им. Ильича работа уже налажена, члены местной комиссии приступили к составлению сборника комсомольской организации завода.

***

В Пролетарском, Серпуховском и Бауманском районах пока не приступили еще к работе над созданием истории комсомола.

Есть реальная опасность, что к XV-летию московского комсомола эти районы своих обязательств не выполнят.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА

Московский областной штаб по смотру молодежной литературы при Мосгоркоме комсомола в составе [illegible] литературоведов и литературных работников в [illegible] тт. Дементьев, А. Барановой, С. Кирсанова, Л. Аптаулена, Афонина (секретарь Лебедев) и рабочего-ударника т. Сабунина. В редколлегию сборника [illegible] вошли: тт. И. Трошенко, С. Фридман и рабочий автозавода им. Сталина Г. Баранов.

ПЕРВАЯ ЯЧЕЙКА РАЙОНА

Многие комсомольцы не знают о том, какую большую роль сыграла в Замоскворецком районе комсомольская организация Первой сигнальной фабрики (б. Цинцель). Это — первая комсомольская организация в районе. Но не только замоскворецкий комсомол родился в стенах Первой сигнальной фабрики, первая в районе, начала применять новые формы социалистического труда: соцсоревнования и ударничества.

Поэтому также большое значение имеет последнее собрание молодежной ударжурнала в клубе Первой сигнальной фабрики, посвященное работе по созданию истории местной комсомольской организации.

Собрание заслушало воспоминания старых комсомольцев — первых организаторов местной организации.

Работа ударжурнала Первой сигнальной фабрики должна стать примером для всех других фабрично-заводских литературных кружков МАПП.

Трибуна творческой дискуссии

Д. Селиванский

Коварство и любовь ЗАНДА*

... Итак, в те годы, на рубеже первой и второй пятилетки СССР, в каждую обнадеженной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, в каждую создания бесклассового социалистического общества, среди писателей, известных тогда под названием «попутчиков», находились люди, которых особенно тревожил вопрос о судьбах искусства при социализме. Эта тревога сама по себе была законна. Пролетарское искусство только прокладывалось к своей гегемонии, обходилась на своем пути ряд преград, обходя болотные места и волчьи ямы. Буржуазные реставраторы в искусстве назойливо подмывали как знамя методы и стиль творческого процесса, свойственные искусству загнивающей буржуазии периода ее окончательного упадка и заката. Мелкобуржуазные радикалы, объединявшиеся на время в недолговечной группе «Литфронт», требовали ликвидации искусства как такового. Вот почему также была всемогущая тревога за побеждающее и наступающее искусство пролетариата, тревога бойца, идущего к цели, уверенного в победе, но знающего, что его недостаточно спасается.

Одною тревоге некоторых из писателей, которых в то время называли «попутчиками», была какая порыва. Это была тревога бесперспективности, утраты ориентировки в пути, тревога блуждания в замкнутом кольце.

Некоторые мелкобуржуазные интеллигенты, для которых хаотика неадекватность мелкого предмета идей в обществе, основанном на капиталистической конкуренции, в те годы казалась единственным, а если не единственным, то решающим критерием и основой нормой их деятельности, — они не выступали против социализма прямо и категорически. Нет, они жертвенно соглашались на социализм: пусть будет так, как желает большинство людей, но имейте, мол, в виду, что с ликвидацией основ эксплоатация человека человеком уничтожается и непосторимость моей творящей личности, а ведь из такой неосторимости только и рождается искусство. Иными словами — да здравствует социализм, умаляющее искусство приветствует тебя!

В те годы в такой философии был ближе — в ряду других — писатель Юрий Олеша. Он цепко держался за остатки в себе мелкого буржуа. Вероятно, жив он до октября 17 года, он занимался бы «спасением буржуазии». Олеша хотел быть оригинальным во что бы то ни стало. Но он думал, что необычным и непохожим на других мог быть только несчастный человек. В сущности он не перешел дальше жалкой мудрости, изложенной в первых страницах романа Льва Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи одна на другую, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И Олеша, обращаясь к классической литературе, усиливал героев, которых любил прежний читатель, были обычно несчастливыми, отрешенными, одинокими, обреченными, — и обломовский Обломов, и шекспировский маркиз Поза, и карамазовская бедная Лиза и тургеневский Рудин, и чеховский Ионыч, и шекспировский Гамлет, и Гуинплен у Виктора Гюго и т. д. Несуществующая идеала, — думал Олеша, — рождает искусство. И вот — идеал существовался. Приходит социализм. Все люди будут счастливы. Где же тогда место искусству?

Перед тогдашним попутчиком стоял вопрос о будущем. Это означало: в ожидании торжества овладеть мировоззрением пролетариата — либо выплыть из искусства. Задача преодоления буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков в сознании прогрессивного интеллигента для интеллигента-попутчика прежде всего преодоление таких предрассудков в самом себе. Очень немного были трудности перешедшей попутничества, но в отдельных достигаемые победы. В своей книге «Вчерашняя неделька» Олеша ясно и полно рассказал об этих трудностях. Но, сделав шаг вперед, он оглянулся: он захотел заняться в искусству социализма, устремив взгляд назад, в сторону буржуазного искусства. Он начал конкретизировать трудностями. Он превратил их — в несчастье, в рок, в фатум. Он — вне всякого сомнения, искренно — с большим пафосом говорил о строящихся новых городах и электрических станциях, но, отходя от новостроек, он оглядывался назад: дымным осколом он хотел отгородить то дело, на которое он сам боролся, — искусство. В то время Олеша написал рассказ под названием «Все-что из секретных записей попутчика Занда». Рассказ был помещен в № 1 журнала «40 дней» за 1933 г.

Попутчик Занд (марксистская критика того времени без труда обнаружила совпадение основных мыслей Занда с рядом идей «Вишневой косточки») произносит горячие слова о своей стране. Он говорит о великом всего того, что «обрадует историю этих лет в дней», об удивительной смелости строителей социализма. Впрочем, строитель ли социализма? Нет, он сидел в собственных мыслях только уверенно коньюнктурщиков, затушевывая коньюнктурщиков, железную волю покровителей экономических стихий природы. И для того, чтобы выразить сущность писателя, он сравнил ее с... коньюнктурным периодом Америки: «Эти люди показывают удивительную смелость и деятельность, как тогда происходило подобное в Америке». И так, в конце того описания за реки, горы и города, выходила схема: «Какое поколение! Разглядеть и запечатлеть новое качество в развитии действительности! Какое раболепство перед категориями буржуазного мышления в искусстве!

Для Занда искусство было не выражением эпохи, не конкуренцией с ней. Из факта отставания литературы от задач социалистического строительства пролетарский писатель (и писатель-коньюнктурщик) делал единственный вывод: литература должна научиться с несравненно большей силой, с несравненно большим мастерством, с несравненно большей глубиной выражать мою эпоху, эпоху построения бесклассового социалистического общества. Занд делал диаметрально противоположный вывод: «Жизнь сильнее моего искусства, она побеждает и ломает его. Следовательно, нужно дезертировать из искусства». Так громкие слова о величии эпохи на поверку оказывались возвышением интеллигентского нытика.

«Я не хочу быть писателем. Я буду перемывать трубки. Потом будем искать в саду тенистый пить кофе, крепко спать. Быть человеком искусства, художником — большое несчастье». И еще: «Я хочу быть дураком, мама... Хорошо отпустить бачки... вот здесь, небольшие бакенбарды бачки, а быть глупым. И иметь большой лоб. Величаво блестеть высоким и развернутым плечами. И совершить какую-нибудь дрянную подость: подделать доверенность. И никаких не иметь кругозоров».

Занд приходил к утверждению обывательщины следующим путем. Он понимал, что уверенность в жизни достигается единством субъекта и объекта, сферой субъекта на объективно существующую действительность. Но ему казалось, будто абсолютная специфичность искусства состоит в его противопоставлении объекту, в абсолютном антагонизме художника и объективно существующей действительности, в субъективно идеалистическом характере творческого процесса.

«Изображать события, характеры, страсти,—быть во-вне.

Страсти?

Как же я могу изображать чужую страсть, не приняв себе бактерию такой же страсти?

Если я хочу изобразить алчность или другое, — или ревность или сострадание—я ведь должен расшевелить в себе, вытянуть, выпестить ростки этой страсти. Росток, если она во мне уже не цветет! И шевели его, я приведу в движение все другие — все сплетения души. И значит мне — создает внимание в себя, в мир внутренний. Так вот в чем дело!»

Занд обнажил здесь субъективно идеалистический характер так называемой теории перевоплощения в творческом процессе. Исходя из тезиса непознаваемости чужого сознания, эта теория сводилась к тому, что художник может воспроизводить лишь непосредственно, субъективно пережитое им самим. Эта-так, дан того, например, чтобы воспроизвести и показать в художественном образе ненависть кулака к коллективизации, художник сам должен пережить эту ненависть. Чтобы показать садиста, художник сам должен в себе «выпестить» ростки садизма. Искусство сводилось к выражению субъективного мира художника.

Но Занд жил в эпоху обостренной борьбы классов как внутри СССР, так и в международном масштабе. Занд жил в эпоху, когда советская литература активно участвовала в преодолении пережитков капитализма в сознании людей. Но ведь — по Занду — чтобы делать это, писатель сам обязан был расшевелить в своем сознании пережитки капитализма. Только так мог он в своем «Коварстве и любви» «выпестить пролетариат». Именно в тот период творчества Занда особенно выглядит выдающаяся его антиреволюционность. И пугаясь неизбежных выводов из этой теории, он бежал из искусства: «Я хочу быть дураком... И никаких не иметь кругозоров».

Мы оказали, что Занд раболепствовал перед категориями буржуазного искусства. Теперь мы должны в этом отношении существенно поправку. Рассуждения Занда о классиках не имеют под собой никакой почвы. Величие классиков заключается в том, что они мастерски делали художественное дело своего класса, знали его цели и задачи, служили ему оружием художественного слова, умели подниматься до вершин его мировоззрения. Они были идеологами своего класса. Пролетарское искусство, шедшее к своей гегемонии, училось у них умению с предельной силой выражать в художественных образах задачи своего класса и бороться за эти задачи. Сущность творческих установок Занда и классиков — различны. Но Занд именно потому раболепствовал перед буржуазно-феодальным искусством, что он глядел на него глазами художника разлагающегося буржуазного искусства. «Вечные законы» были являются только законами распада буржуазного искусства (в частности и в особенности — годов, следовавших за первой мировой империалистической войной).

Понять Занда можно только в аспекте классовой борьбы, происходившей в советской литературе и в ее первой литературе. Различны типы пролетарского искусства и искусства классового общества, искусства классового общества и искусства социализма. Искусство социализма, выросшее из пролетарского искусства, качественно отлично от искусства буржуазно-феодального по своему мировоззрению, по своему методу, по своему стилю, по своим формальным особенностям. Занд хотел изгнать «Коварство и любовь» XX века, чтобы потрясти пролетариат честной судьбой человеческого сердца. Но такая судьба уже не потрясала пролетариат. Понятия «счастья» и «несчастья» не были у него завлекательно-интересными. Быть «счастливым» — это значило пить в передовых рядах борцов, ликвидирующих остатки капитализма. К Левинсону, герою фадеевского романа «Разгром», в приложению определение «несчастный» (хотя отряд Левинсона терпит поражение). Характеристики и приспособленцы стремились заполнить свои романы и эпопеи благополучно-фельдшерским вонном в американско-мещанском стиле. Они выдергивали теории Занда из знамени — не больше. Дело было не в личной судьбе, дело замыкалось в судьбе борьбы за социализм, ей предшествует измерять и личную судьбу. Именно поэтому так расширялась, вырастала, обогащалась индивидуальность в то время.

Миллионы, преображающиеся в активных и сознательных строителей социализма, подходили к искусству с новыми, повышенными требованиями. Они давали заявку на Магнитострои такие культуры, которые бы потрясали их мысли и чувства, раскрывали им перед ними действительность в ее глубине, осмысливали бы для них всю историю человечества, закаляли бы их для предстоящего подъема. Эти новые люди, жившие в годы уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом, были чужды Занду. Смысл занудского «секрета» заключался в попытке стабилизации буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков, т. е. — обратно — в попытке воспрепятствовать социалистическому перевоспитанию трудящихся.

Занд не был классовым врагом социализма. Но он был носителем тенденций, враждебных социализму и его искусству. Занд называл себя попутчиком. Но уже в 1932 г. такие взгляды перестали быть попутническими. Занд был бы врагом пролетарской литературы, если бы в нем самом не зрели противоположные тенденции.

Редактор Базилевич говорил Занду: «Вы должны включиться в жизнь класса. Конечно, это казенная фраза—размышляла Занд.—Но... я подчеркиваю эту фразу с жаром убежденности... Значит, если фраза казенная, то она не значит, что она не есть выражение жизни. И восклицаю, что хочу кинуть завет «Коварство и любовь». Это громкая фраза. Но я произношу ее с жаркой убежденностью... Значит, громкая фраза есть тоже выражение жизни. И эти две формы встречаются».

Еще не отказываясь от «громкой» фразы, Занд уже понимал законность «казенной». «Вам нужно считать с собой. Две фразы встретились. Но тут снова была ошибка: две формы не могут встретиться, т. е. соединиться. Они могли только столкнуться. Конечно, и здесь у Занда могла быть скрытая ирония над Базилевичем, человеком загрядной наружности, «сидящим обыкновенной жизнью», автором «казенных фраз». Уж очень его сонет был похож на стиль Вали, дочери Боровина и в романовском «Страхе»: «Я хочу пойти на завод работать... И хочу сделать в себе нового человека... именно сделать, как делают чайник или стол...». Что предшествовало походу Занда на завод, известно: «На заводе пыль, грохот, огромная машинная истерика. У меня мигает ежедневно... Я, кажется, не выдержу».

«Слиться с массой» такому Занду было никак невозможно. Но Занд — не Олеша. Занд был лишь частицей Олеши, измерение и классовое значение которой реставрированной формой надуманных «показаний русского интеллигента».

Игра с Зандом не могла не отразиться на творчестве Олеши, не могла оно не повредить не могла не уничтожить в нем революционные тенденции. Таким как Олеша освободился от Занда и как это освобождение распространило его художественные возможности, в следующем раз.

Перейдем пока к следующему вопросу...

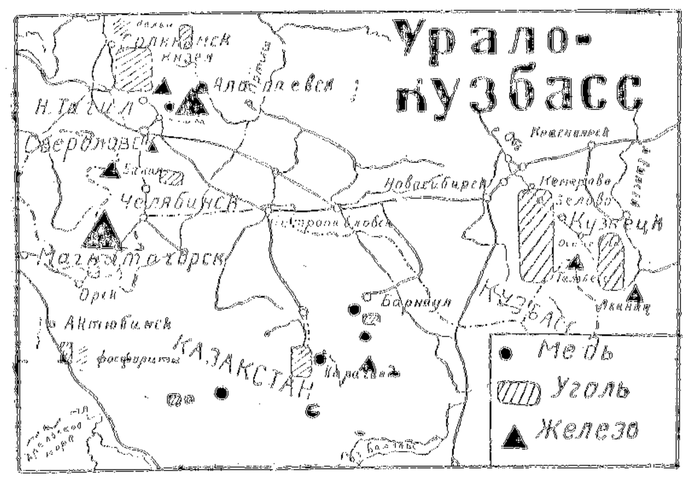
* Дружеский по радиостенограммы доклада прочитанного одним из некоторых ВАСП (Всемирной ассоциация социалистических писателей) в 1933 г.

БУКСИР УРАЛЬЦЕВ

Областной слет литударников в Свердловске

21 февраля в Свердловске в переполненном помещении драматического театра состоялся областной слет рабочих-ударников, призванных в литературу, совместно с комсомольскими ячейками, организованный Уралобкомом ВЛКСМ, редакцией газеты «На смену» и УралАПП.

Этот областной слет завершил проводившуюся в течение около полугода месячника широкую кампанию популяризации решения Уралобкома ВКП(б) о работе УралАПП (ряд районных совещ., обсуждение решения Уралобкома ВКП(б) в партийных и комсомольских ячейках, в организациях УралАПП и пр.).



Областной слет проходил под позывными создания Магнитостроя литературы, решительной перестройки пролетарского литературного движения и дружной совместной работы УралАПП с комсомолом Урала.

На слете после большого, вступительного слова секретаря Уралобкома ВКП(б) т. Шаца с докладом о задачах пролетарской литературы выступил т. Селиванский. Участвовавшие в прениях представители ассоциаций пролетарских писателей Урала рассказали о проведенной ими работе и о начавшемся сдвиге в УралАПП после обнесения руководства поспешней. Выступления представителей АПП и редакций «На смену» и «Уральского рабочего» перемежались чтением стихов поэтов УралАПП (стихи читали артисты драмтеатра) и исполнением музыкальных произведений, организованным свердловской ячейкой РАПМ.

По окончании прений ответственным секретарем УралАПП т. Харитановым было оглашено обращение слета к уральской пролетарской общественности, в котором характеризуются основные задачи, стоящие перед УралАПП, говорится о заключении договоров соревнования между отдельными АПП Урала, о вызове УралАПП на соревнование ассоциаций пролетписателей Западной Сибири (Кузбасса) и Башкирии, о посылке УралАПП и комсомолом Урала бригады в Кузбасс, о подготовке и проведению конференции АПП Урала-Кузбасса, о развертывании смотра молодежной литературы и пр.

Обращение было принято единогласно под аплодисменты.

На слете присутствовали, помимо пролетписателей Урала (из Свердловска, Магнитогорска, Лысьвы, Златоуста, Перми, Кизела и Уфалея) и представителей заводов и комсомольских ячеек Свердловска, двадцать секретарей райкомов комсомола Урала и двадцать редакторов районных газет.

Слет транслировался тремя радиостанциями (свердловской, западносибирской и башкирской).

— Нет, не все. Еще комиссар полка Кирилишков, наш товарищ, друг Фурманова. Да вы не смотрите, что нас мало. Мы ведь не несколько месяцев, как ребята. Мы окончательно оформились — как организованная единая кружок — только перед самой Мартовской конференцией. Можете спросить...

Молодые... в смысле на молодость в литературном кружке Н-ского стрелкового полка пролетарской дивизии в ЛОКАФ говорят:

— Одни из лучших.

И, пожалуй, не ошибаются.

Один из лучших не потому, что в литературу пошел комиссар полка — друг Фурманова, и не только потому, что начинающий поэт Иван Варфоломеев пишет неплохие стихи, Иосиф Шагалов — немало стихов — еще неплохие очерки, а многие кружковцы носят заслуженную репутацию лучших стрелков и лучших дыхателей, переносящих оружьем к лучшему в практике своей литературной учебы, несущих ударничество как знамя, как знамя. Один из лучших потому, что в условиях каждодневной многоплановой боевой учебы, в обстановке перехода, тактических занятий в всей многогранной деловой насыщенности красноармейской жизни кружок сумел найти оформленные, действенные формы борьбы за овладение художественным словом. Шагалов и его товарищи с самого начала подошли к новой своей обязанности работу в литкружке они считают именно своей обязанностью как к делу, которое можно и нужно исполнять, органически сливать со всеми горячими часами горячего красноармейского дня, как к делу, которое не отрывать от сердечных этого дня, не поставить обособленно сделе в стороне, не отграничить особыми часами, специальным регламентом.

— Учеба на-ходу, — сказали бойцы. — Учеба в поле, в красноармейском общежитии, на стрельбище, в походной палатке, в перерыве между политчасом и лыжной вылазкой, на время привала.

— Бесплановость?

— Отрезной привал в очередном походе важнее литкружка не предусмотришь, а часы привала — самые благодарные часы для частого литературного кружка. Читка произведений под открытым небом, собирает многочисленную аудиторию, обсуждение рассказа вызывает оживленные споры. Нас ценят человек. Ценить-то? Работа кружка на виду у всех дает свои результаты. Вчера парень старательно вдолбил лозунгами:

За дорогой лежит
Голубой простор,
Командир говорит:
— Вперед, вперед...

а сегодня в ротной стенгазете появляется несколько живых, определенно хороших строк. Парень рубок. Парень отделался под инициалом «Ф». Но, совершенно очевидно, парень «заболел» литературой. Послезавтра он будет в кружке. И не только он.

— Вы говорите, что наш кружок один из лучших, а вот мы считаем, что...

Начинается самокритика. Полезное оно инструмент, качества у литкружковцев критическое отношение к себе? Если ты реалист в мысли, что это первая «спичка» — действительно здоровое, жизнеспособное ядро. Кружок умеет работать и не умеет самообольщаться — в отличие таких качеств можно уйти далеко. Сидоров, Апатов и все другие знают, что сделано столько, сколько можно было сделать при добросовестном отношении к делу. Они хотя т. е. целиком оккупировали полкружки многотиражки «На страже». Они отмечали последние полгода месяца устройством двух больших литературных вечеров — в полку и в первой роте. Они собирают и дают материал в ротные стенгазеты. Они выпускают свою литературную страницу. Они — Пугрисов, Шагалов, Яковлев и Дмитриев — начинают пробовать силы перо в больших вещах. Они дерзаются в книги, журналы, выпускают «Литературную газету». Они готовятся к большой работе — к глазному истории своего полка. И все же они недовольны.

— Этого мало. Есть прорехи. Прорехи надо чинить, а это не всегда удается. И самая большая прореха — отсутствие времени.

В том, что кружковцы не имеют праздника, мешают всего военным самим кружковцы. Поднялся московский ЛОКАФ. Он хорошо знает, что кружок — один из лучших, но любит, что его лучшие достигнуть без его помощи.

ВЛ. С.

Фабрика брака

Диалог писателя с действительностью

Разверните журнал «Красная нива» № 31 от 10 ноября 1931 г. Найдете очерк писателя Будянцева «Вода стоялая дасистс», вы сможете:

— Вот увлекательная лотошить одного сокола.

Действительно — есть чему поразваться. Правда, повсюду по поверхности очерка прыгают штампы среднего очеркового стандарта. Но обходится, например, дело без того, что «пришли на болото лютые... (не самые, что тысячи раз «приходили» на страницах любого очерка о новостройках). Но это — сущая мелочь на фоне общего. Будянцев дал увлекательный рассказ о новом образцовом совхозе, который, преодолевая нападки упоминаемые писателем досадные «трудности», бодро шагает прямо к широко распахнутые двери социализма.

Но... заглянем в нуждную свинью нашу, на которой стоит жирная надпись: «Дело РКИ...»

— Как называется совхоз, в котором живет Будянцев?

«Южный массив», между Детским Селом и Ленинградом.

О чем повествует «Дело»?

О совхозе «Южный массив», между Детским Селом и Ленинградом.

Мы сопоставили эти две рукописи.

Писатель Будянцев декламирует:

«Широкий размах, — в этом году выложено около десяти миллионов рублей, — живой задор и высокий культурный уровень руководства и специалистов, радикальнейшая и изобретательская мысль...

А бригада рабкоров газеты «Сельскохозяйственный рабочий» в статье «Требуем смены руководства» расшифровывает этот «живой задор», «высокий уровень»:

«Сельскохозяйственный и транспортный инвентарь валяется в беспорядке. Скотницкие трава и капустные листы, приготовленные для силосования не используются, валяются, где попало. Лошади часто стоят голодными, так как конюхи в погоню к ним не прикрепляют.

В совхозе завели лишнюю, которых никто не предложит. Завхозуший Баранов открыто презирает поливцем, выступает против рабочих-немцев, заявляя: «ни одного немца на зиму не оставлю».

Писатель Будянцев захлебывается от восторга:

«Я видел эти чудовищные скотные дворы на тысячу и больше голов, сложные сооружения, снабженные водопроводом, канализацией, бассейнами для навозной жижи, водопаными платформами, лабораториями, механизированной подачей корма, громадными силосными башнями, похожими на башни русских крепостей».

А ветеринарная «Южного массива», оказывается, интересуется совсем другого взгляда на постановку дела в этих «чудовищных скотных дворах»:

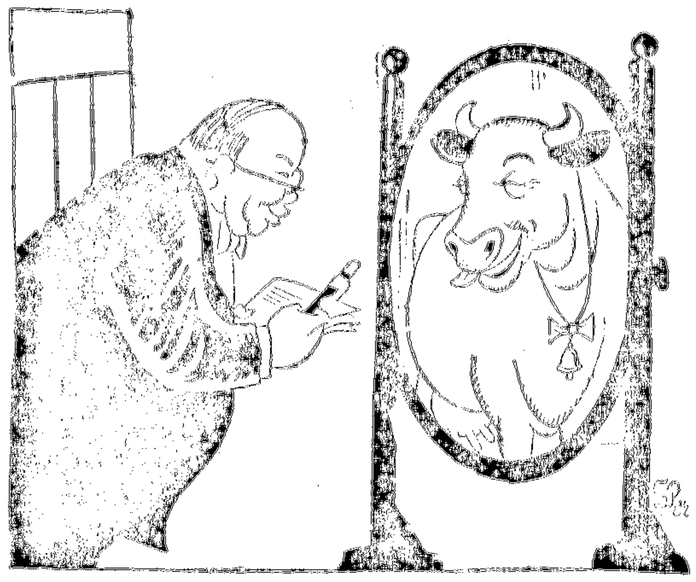
«Проехав районный совет найти подписанных виновников следующих преступных фактов, тормозящих развитие советского животноводства: телята стояли в телятнике до 23 мая, не выпускались на воздух. До настоящего времени в телятнике при родильном отделении — грязь, сырость, неудовлетворительная вытяжка, что подтверждается актом ветеринарного врача. Заключенный корм в кормушках».

Акт бригады, составленный обл РКИ, продолжает описание действительно чудовищных дел, творившихся на этих «чудовищных скотных дворах»:

«Заявления рабочих (о вредительстве на скотном дворе I участка) верны: возле зимовальных дворов лежит полный ящик битого стекла, от чего происходит калечение скота».

«Плана силосования сорвано. Около силосных башен находится овощехранилище с 50 тоннами овощей, куда протекает из башен жижа, что грозит порчей овощей... свекла гниет».

«Директор «Южного массива» любит острое словцо и парадокс», — заверяет



„Непосредственные впечатления" С. Будянцева

нас неизменный Будянцев. Что-что, а острое словцо руководители совх. за действительно любят. Мы уже знаем, например, к какого совта острым словцом прибегал частенько директор 1 участка Баранов.

«Заведующий I участком совхоза вызывает в себе рабочих, позванных заявление обследовательской бригаде, и угрожает: отдать под суд, зажать под пресс» (выступление рабочего).

На выездном заседании бюро жалоб присутствовало свыше 60 человек. В результате — вопрос о дирекции совхоза «Южный массив» передан в областную контрольную комиссию, а руководство I участка во главе с Барановым снято с работы и отдано под суд.

Как же случилось, что писатель Будянцев, всколыхнувший всю страну, обратился сладостным «морковным катафуалем», «кремлевских силосных башен» и тому подобным вместо и не заметил их одного на совхоз вопиющего фактов классового отношения к рабочим, чудовищной безхозяйственности, вредительского обращения с скотом? Это тем более поразительно, что, судя по датам, события развертывались как раз в период пребывания писателя в совхозе.

Бывывал ли писатель с рабочими? Осведомлялся ли об условиях труда и быта? Присутствовал ли хоть на одном собрании?

После всего сказанного смеем думать, что нет. Грубые прозаические детали не были уловлены тонкими поэтическими нервами поэта, не были восприняты идиотически настроенного воспринятым идиотически настроенного чейзлеиста.

Бригада журнала Ленинградского совета «Рабочий депутат»:
К. ГРИНБЕРГ, В. ПАШКОВСКИЙ, Л. ПЕРЕЛЕШИН

ЭПИГРАММЫ

А. Архангельский

П. Замойский

Без хитростей и затей
Он занят выделкой «Лаптей».

В. Пахов

Что он попутчик — спору нет.
Но что-то больно много лет!

Н. Погодин

«Для писания пьесы
И топор пригоден»,
Сказал драмсен
Николай Погодин.

Л. Сейфуллина

Люди иные,
Время иное.
Сидит Вирнина
На перепое.

В. Киршон

О хлебе насущном
В прас решен —
Им кормит театры
Шекспиньр Киршон.

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

23 февраля — 19 ч. 45 м. — вечер, посвященный Пушкину. Вступительное слово Л. Л. Вланой.

28 февраля — 20 ч. — президиумы СРД.

29 февраля — 19 ч. — собрание литгруппы альманаха «Вчера и сегодня».

1 марта — 19 ч. 30 м. — ГИХЛ. Производственный вечер писателей. Критический обзор продукции сектора — т. Ермилов (Лежнев, Нисифоров, Малыгина, Гладков, Вс. Иванов, Оренбург, Олешов, Шагинян, Сейфуллина).

1 марта — 19 ч. 45 м. — 7-й докладчик поэта, Николай Ушаков. Вступительное слово М. Лукин. Председатель М. Зенкевич.

2 марта — 19 ч. — литвечер «Комсомольцы». Беседа Мих. Исаковского.

3 марта — 19 ч. 45 м. — 14-й докладчик поэтессы Ольгерд Берггольц. Стихи поэтов Брянского, Пандурского, Грета, Станца, Ясенского и ряда поэтов читают т. Ю. Верхоянский, М. Жаров, С. Кирсанов, А. Ромм. Вступительное слово Ст. Станца.

4 марта — 19 ч. 45 м. — 14-й докладчик поэтессы, Александр Глумов.

ВТОРОЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ МАПП

10 марта в клубе ФОСП им. М. Горького открывается второй пленум правления МАПП. На повестке дня: доклад т. С. Фридмана «Задачи МАПП в свете решений XVII партконференции и первые итоги перестройки», доклад т. С. Кирьякова «О творческом смотре молодежной литературы», доклад т. Бутковского «О работе Тверской АПП» и три доклада, посвященные конкретному разбору творчества: 1) Анны Караваевой (докладчик т. М. Кубланов), 2) поэтов завода «Динамо» (докладчик т. А. Сурков) и 3) Л. Шепилина (докладчик т. Н. Берзевой).

ПОПРАВКА

Последнюю фразу во второй абзаце второй колонки в отчете о выступлении В. Макарова на вечере МАПП («Литгазета», № 8 от 17 февраля) следует читать:

«Отдельные писатели (Березовский, Нисифоров), не понимающие этого и отдельные роль метода, стоят на ложном пути».

ИЗВЕЩЕНИЯ

Редакция «Литературной газеты» в порядке внутренней экономии посещение посетителей с предварительно выданными бумажками и печатными — Маршальным по вторникам от утра — на часы в 6 часов до 6 часов вечера. Исключение — 9 марта, в день рождения «Литгазеты» 9 марта, в 18 ч. Вход по пригласительным билетам (Тверской б., 25, Дом Герцена, 3-й этаж).

Кабинет ударника МАПП принимает секретарей всех московских литкружков в т. Шаскину. Ежедневно с 16 до 21 ч., кроме 4, 10, 16, 22 и 24 числ. Ул. Воровского, 52, клуб ФОСП. Телефон 2-21-54.

28 февраля — 19 ч. — в помещении Литературного музея (ул. Маяка и Энгельса, 10) — доклад-дискуссия. В порядке дня: доклады т. Шнейдера на тему «Переходная эпоха», литературоведа и критика Дмитриевой — о работе Литературного музея в Ленинграде и отдела Гослита по организации и охране музеев, а также доклад т. Ермилова «Проблема литературной критики в свете последних решений партии». Доклады при участии МОРП, библиотеки иностранных языков и других организаций.

3 марта, от 19 до 20 ч. — в кабинете библиотекаря Профиздата (Солянка, 12, Дворец труда, комната 250) — выставочная выставка Профиздата. Беседа т. А. Кораваевой о работе над новой повестью «Мы и яблоня».

1 марта в 18 ч., в театре детской книги ОГИЗ устраивает чтение произведений К. Чуковского — «Путаница» и Н. Гофмана «Пауки».

* * *

4 марта — 19 ч. Дом печати совместно с редакцией журнала «Рост» устраивает пятый вечер творческого смотра молодежной литературы. Доклад П. Кудашева «Вчерашняя молодежь в художественной литературе».

Возобновите немедленно подписку „за эпель", во избежание перерыва в высылке

Теряя «Литературной газеты» прекращен, а срок отправки подписки сокращен. Последние спать подписку не позднее срока, установленного местной почтой. Оборванная подписка зачеркивается на следующий месяц.

ДНИ ВЫХОДА „ЛИТГАЗЕТЫ" В МАРТЕ: 3, 11, 17, 23, 29

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны:
Секретарь: 1-30-61.
Отв. редактор 2-40-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11.
Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м. — 3 р. 60 к.
На 6 м. — 1 р. 80 к.
На 3 м. — 90 к.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

ЖУРНАЛЫ В ЗАЧАТЕЛЕЙ

Ленкнигоцентр забыл о подписной кампании на литературные журналы

По вине руководства Ленкнигоцентра резко пала подписка на ленинградские литературные журналы. Журналы «ЛЕНИНГРАД» (орган ЛАПП) и «ЗВЕЗДА» (орган Ленбалтфлота), в прошлые годы имевшие десятитысячные тиражи, в этом году не только не достигли значительного дореволюционного тиража, но на сегодняшний день имеют только по 1.000 подписчиков; старейший журнал «ЗВЕЗДА» (орган Ленфлота) — 10.000 подписчиков вместо предусмотренных 17.000; «ЛЕРЕЛЮБ» (орган ЛОКАФ) 5.000 вместо 11.000; даже на стратегический журнал «ЛИТЕРАТУРА» (орган Ленинградского отдела ГИХЛ) подписка достигла 6.000 вместо запланированных 15.000.

Падение тиражей журналов объясняется безобразной халтурой Ленкнигоцентра, который только в феврале спустил на периферию контрольные цифры подписки на 1932 г. Только в феврале фактически Ленкнигоцентр начинает подписную кампанию на литературные, выделяя суммы на необходимую рекламу (до сих пор Ленкнигоцентр забыл о ней), комплектуя представителя и Кронштадт для проведения подписки на «Звезду» и т. д.

Отрицательно подписной кампанией Ленкнигоцентр не только оставил десятки тысяч читателей без журналов, но невозможно удорожил журнальную продукцию. Себестоимость номера журнала «Ленинград» при тираже 4.000 составляет 1 р. 60 к., а по мере его продвижения цена его 75 коп., до каждого еще получить сколько, дешевую малотиражную Книгоцентру.

Для ликвидации срывов Ленкнигоцентр предпринимает меры недостаточные меры. Ударный месячник по литературным изданиям проводится только в апреле.

Правление ОГИЗа должно заинтересоваться деятельностью, вернее, бездеятельностью подразделения Ленкнигоцентра.

(НАШ. КОРР.)

ВЕЧЕР Мих Голодного

Постановление ЦК партии заклеймило фальсификаторов истории гражданской войны, естественно, вызвало повышенный интерес литературоведов к отчаянным гражданской войне Мих. Голодного, которые он на днях прочел в кабинете ударника МАПП.

Обмен мнений, развернувшийся вокруг этих стихов, был ценен в числе прочего тем, что в нем был поставлен вопрос о сегодняшнем подходе к теме гражданской войны.

ПОЭТЫ В ГИХЛ

Вчера совещание поэтов в ГИХЛ. От имени было посвящено обсуждению плана поэтической продукции на 1932 г., доклад о котором сделал главный редактор ГИХЛ т. Коняшевич.

Выступление в прениях поэтов: тт. В. Асеев, А. Безыменский, И. Сельвинский, Д. Алтаузен, А. Гитович, В. Маяк, Н. Кирилов, Лебедев и др. установили, что план издания поэтической продукции ГИХЛ на 1932 г. включает исключительно произведения, кое-что уже раз вышедшие из печати (переиздания), либо новые поэтические произведения, не принятые издательством в прошлые годы. Неучтены в плане произведения истекшего года, которые сейчас будут поступать.

Правление ГИХЛ согласилось с этими доводами. План выпуска поэтической продукции ГИХЛ на 1932 г. будет пересмотрен. ГИХЛ обязался до 15 марта с. г. заключить договоры с рядом поэтов, и провести конференцию поэтов на 1932-33 г.

Политическая общественность прямо заставила участие в работе ГИХЛ. Кабинет может пожелать сектора ГИХЛ на 33 лет. и редколлегия состоит из 5 лет: тт. В. Асеев, А. Безыменский, А. Сурков, И. Сельвинский, М. Светлов, А. Гитович, В. Казин, Н. Утин. Для выполнения предложения, высказанного ГИХЛ, будет предложено представителям сектора и редколлегии поэтического сектора ГИХЛ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

◆ Центральный кабинет литударника РАПП открыт в ГИХЛ. Кабинетом начата непосредственная работа. 28 февраля при кабинете ударника начинается занятия литературно-критического семинара. На открытии семинара с речью о творческих задачах литударника выступит Л. АВЕРБАХ.

◆ При БЕЛОРУССКОМ отделении ФОСП организуется единый кабинет ударника.

◆ В 1932 г. художественный сектор Всегиз изменяет выпуск 800 книг. Это увеличит продукцию по сравнению с прошлым годом больше чем на 30 проц.

◆ В СКОРОМ ВРЕМЕНИ в Белоруссии начнет выходить «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА». Газета будет рассчитана на широкой читательский актив.

◆ При Московском отделении ФОСП организовано отделение секции научных работников, объединяющее писателей, аспирантов, прикрепленных к ВЕКУБУ и преподавательского состава вузов и других учебных учреждений. Отделение насчитывает свыше 60 писателей. В бюро входят тт. А. ЕФРЕМИН, Н. ПОНИКОВ, О. ШТРАХ.

◆ Московский театр Пролетариата принял к постановке пьесу ленинградского драматурга-рабочкора ИОХАННА ЗЕЛЛЕРА «ПОЛОНЕЦ». 1 мая эта пьеса идет премьерой в ленинградском КРАСНОМ ТЕАТРЕ.

◆ Недавно состоялось общее собрание членов РЖСКТ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ». Избраны правление и ревизионная комиссия. На первом заседании правления и ревизионной РЖСКТ «Советский писатель» утверждены: председатель РЖСКТ — МАТВЕЙКА (зам. председателя — тт. СЕМЕНЮК и ЛЕОНТОВИЧ), ответный за строительство назначен и начальником строительства. Секретарем правления РЖСКТ избран т. БРОНШТЕЙН. Председателем ревизионной избран т. ТАРИЛОВ. Социально-бытовой комиссии правления РЖСКТ предложено разработать вопрос о нормах обслуживания и принципах распределения жилплощади среди писателей.

◆ На расширенном заседании рабочего актива ГИХЛ 25 февраля т. БОРОВОЙ подвел итоги выполнения сдвиг в работы Московской ассоциации пролетписателей, в частности кабинета ударника МАПП на основе новых методов начальника ударников и усиления внимания к творческим вопросам.

◆ В Доме печати 28 февраля состоялся вечер ЛОКАФ, посвященный четырехлетней годовщине Красной армии. После вступительного слова нач. сектора печати ПУРКА МИХ. СУБОТИНОВА с докладом «ЧЕТЫРЕ ГОДА ГОТОВНОСТИ РУКА И ЗАДАЧИ ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» выступил Л. СУБОТИНОВ. МАТВЕЙКА рассказал присутствующим на вечере о творческой работе над новым романом. Вс. ИВАНОВ прочитал отрывок своего произведения «МАТРОСЫ». В заключение поэты прочитали отрывки из произведений писателей ЛОКАФ.

◆ В клубе ФОСП 3 марта состоялся вечер-вечер, посвященный 14-й годовщине Красной армии. Выступили К. Н. ПУЗИКОВА. В программе — Бетховен, Шопен, Шуман. После программы — обсуждение под председательством заместителя начальника ПУРКА ВЕЛЕСОВА. В. С. ПИЧУЛЬНИЦКИЙ. Вступительное слово — С. БУГОДАЦКИЙ. В прениях приняли участие тт. Бравсе, Аксенов, Корнилов, А. Лебединский, Чемоданов, Чепелов, Черномордиков и др.

◆ Кабинет ударников МАПП приглашает к смотру все группы фабрично-заводских газет. Пусть их всем редакциям на соответствующие представить материалы в кабинет ударника Воровского, 52, кабинет ударников МАПП.

„МАТРОСЫ ИЗ КАТТАРО"

Франтиш Вольф прислал нам свою пьесу «Матросы из Каттаро». Она обошла уже ряд сцен Европы и дошла до Америки. Всюду постановка сопровождалась резко полуцензурными изменениями. На одном из премьер национальности вопросы подвергали, пытаясь запретить! Это очень высокая оценка достоинства пролетарской пьесы.

Фр. Вольф взял темой революционные события 1918 г. в бухте Каттаро, в Адриатическом море. Фон, сосредоточенный в этой бухте, сложен хитро и умело. Он был блокирован французско-итальянскими флотами. При с ключевой роли сыграли формы истинных австрийцев. Возглавляемая дворянской монархия разлагается в классах. В армии это выливается в массовое дезертирство. Ганик и Фокел «Не стреляй» для выполнения приказов этой фаза казалась. Вольф пошел за более сильную и более нужную сторону, он поднял более высокую ступень прогресса, является активного и революционного, против империалистической войны.

Вольф — это можно сказать определенно — стоит крупным шагом как пролетарский художник и разворотом книги на первых на Западе, стоящую прекрасной империалистической войны в гражданскую.

Перед нами развертывается галерея типов австрийской морской службы — и за каждым из них встает образ соответствующего слоя. Вольф не останавливает внимания на банальных, преходящих «марсельезных» моментах (в каждом есть он является в каждую минуту, выливаясь за классовую суть).

Язык — мы пользуемся немецким текстом — местами крепкий, образный, но местами Вольф уходит в разговору, натуралистическая длинноты, детали и т. п.

И именно эта сторона снижает частью выбор действия. А действие безусловно прекрасно. Показан весь ход восстания на «Новом Георгии» и эсадре, может за моментом: от первых наблюдений недовольства в кубриках до заговора — через восстание — к разгрому.

Мы привыкли к «необъяснимым» пьесам. Вольф на прекрасном материале дает практический урок, как не надо делать восстания. И именно такой урок очень нужен западному зрителю в свете Рабеды, Гамбурга, восстания в Болгарии и др. Вольф подчеркивает каждую ошибку восстания: нерешительность, выжидание, отсутствие волевого руководства и т. д. — и каждый раз зритель и читатель невольно готовы крикнуть: «Что вы делаете, не так!»

Это основное достижение Вольфа.

В марсельском заговоре поставить то, что сюда ждет с берегов, полом, рабочими организациями только изданы, а не выполнены. Рамки пьесы ограничены борьбой. Может быть, это дает полную целость (единства времени, места и действия), но постоянно мысль уходит и ищет путей глубже, дальше: «а что делается в тылу, в тылу?

Грешит иногда Вольф и по части лепки образов, каждый в мастерски сделанным матросским вакаром Фр. Рашем (вида Гаулу из «Уклома» до пеной) и капитаном «Ок. Георгия», умелым и мягчайшим австрийским «Турбиным», хорошо нарисованным человеком служает восстание. Вольф нет блестящих и четкую фигуру второго плана. Над чей замышленно же удаленная до конца социально-романтической устремленности ее. Но ты это сделает, требовать бы то что бы то ни стало, то для этого действительно мастерских боец, помощники Фр. Рашу? Схематична и фигура лейтенанта, этакого бравого «пистолетчика», жестокого и глупого. Хороши кто матросы — старый Кудель, «крошка» все и вся на свете, бородач, которому остерегрела война, новобранец Дворко, хромает Тоня и др.

Пьеса — сплошной материал для спектакля. При тщательном подходе к нему, при большем вдумке по не разбитным лицам, при уточнении ряда деталей — пьеса может претендовать на украшение, на звание социальной трагедии.

Сейчас пьесу ставит московский Пролеткульт при консультации работников ЛОКАФ и трех участников восстания — эстонцев, работающих сейчас на заводах Москвы.

Работа Пролеткульта должна быть поддержана также и МРТО. Вокруг нее можно развернуть серьезную литературно-драматическую агитационно-пропагандистскую деятельность, вкупе позволить советского зрителя с темой войны и с творчеством зарубежных авторов.

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

„Проба" в г. Калинине

Художественно-политический совет Калининского театра принял к постановке пьесу: М. Колосова и В. Герасимовой «Проба». Постановку пьесы театр увязывает с проведением комсомольского гамальной обмена комсомольского билета и творческим смотром молодежной литературы.

Ставит пьесу режиссер Н. В. Маргаритов. Работником комитетом комсомола в фойе театра устраивается выставка комсомольской работы фабрики «Пролетарий», «Вагоностроя» и др. предприятий.

Премьера назначена на 10 марта.

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ"
Орган Госкомитета СССР и Наркомтяжпрома по делам печати РСФСР и УССР
Журнал ставит себе цель: борьбу за улучшение качества издательской продукции, за ритмичность и исправность в деле выполнения всего круга дел в области ресурсов и всего в области печати, за усиление издательской строительства, за наилучшую и экономичную организацию и планирование строительства. Секретарем правления РЖСКТ избран т. БРОНШТЕЙН. Председателем ревизионной избран т. ТАРИЛОВ. Социально-бытовой комиссии правления РЖСКТ предложено разработать вопрос о нормах обслуживания и принципах распределения жилплощади среди писателей.
Продолжается прием по списку с января мес.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 12 мес. — 10 р., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 к. Розничная цена номера 1 р. Подписка принимается только почтой и не позже установленного срока.
Журнально-газетное об'единение

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „НЬЮ-ЙОРК"
ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
По желанию страхователя 15% следующих им сумм будут оставлены ТОРГСИНА. Прием этих полисов производится до 1 апреля в Б-ке Кредит Бюро (помещ. Гостиница Метрополь, 12 письменно. Главный портал почтовый ящик 863 и по торговым отделениям и представлениям Госбанка и Сберкассам по всем СССР.
Кроме того А/О Кредит Бюро ведет наследственные и прочие дела советских граждан во всех странах мира.

ВЫШЕЛ В СВЕТ № 1
30 дней иллюстрированный ежемесячник
Художественно-лит.-обществ. и научно-популярный журнал
СОДЕРЖАНИЕ: И. БАБЕЛЬ. Конец богадельни. Ю. ОЛЕША. — Кое-что из старых записей тонущика Занда. М. БАЧЕЛИС. — Над отчетом [illegible] З. БАГРИЦКИЙ. — [illegible] Е. ГАБРИЛОВИЧ. — Московские сцены. Л. ОВАЛОВ и А. ШАПОВАЛОВА. — Неповесть [illegible] Д. ЗАСЛАВСКИЙ — [illegible] Л. НИКУЛИН. — [illegible] С. КИРЬЯНОВ. — Перестроим работу. С. ФРИДМАН. — Перестроим работу. — Алексей Горький. А. СУРКОВ. — Лозунг перед молодежью. И. ТЕРТЕЛЕВИЧ. — [illegible] А. ШТЕРН. — На западном фронте [illegible] И. ЧЕРНЕНКО. — [illegible]
В ближайших номерах журнала начинается новая повесть В. ЗОРИЧА «МАШИНА ИДЕТ В СЕВАСТОПОЛЬ».
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 ГОД С № 1.
Подписная плата на год (12 №) — 6 р. (6 м. — 3 р. [illegible] — 3 р.)
Цена отдельного номера — 0 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, агентами, на почтах и [illegible] Книготорг и его объединения, непосредственно на почте и письмоносцами

На-днях выходит в свет № 2 журнала
„СОВЕТСКИЙ ТЕАТР"
Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и музыкального театроведения
ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:
статьи по вопросам [illegible] обзоры, рецензии, [illegible] пьесы, [illegible] на [illegible] пьесы [illegible] фотографии, [illegible] иллюстрации.
ЖУРНАЛ РАССЧИТАН
на [illegible] всех [illegible] прямо [illegible] на [illegible] техникумов, работников [illegible] и театрального [illegible].
ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАН
С 1 января [illegible] г. «Советский театр» выдается журнально-газетным объединением
Продолжается прием подписки на 1932 ГОД
Подписная цена: 12 мес. — 8 р., 6 мес. — 4 р., 3 мес. — 2 р.
Отдельный номер — 75 коп.
Подписка принимается только почтой и только четко установленного срока.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Редакция: Гоголевский б. 2 [illegible]
Типография «Мосполиграф», ул. им. Скворцова-Степанова, д. 4.